

ЖИТИЕ СВЯТОГО ГЕРАРДА МАЙЕЛЛЫ, СВЕТСКОГО БРАТА КОНГРЕГАЦИИ СВЯТЕЙШЕГО ИСКУПИТЕЛЯ

Свящ. О.Р. Вэссел-Филлипс, С.С.S.R

Пер. с англ. LIFE OF SAINT GERARD MAJELLA, LAY-BROTHER OF THE CONGREGATION OF THE MOST HOLY REDEEMER BY THE REV. O. R. VASSALL-PHILLIPS, C.S.S.R. – LONDON – 1915. В переводе опущены «Введение» и гл. XXI.

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ЕГО ДЕТСТВО

Примерно в тридцати милях к югу от Неаполя путешественник может обнаружить живописный городок Мура. Уютно устроившись среди Апеннин, он смотрит с горных склонов на плодородные поля, простирающиеся внизу под его стенами.

В Мура находится епископская кафедра. Как и большинство итальянских городов, он обилует иноческими обителями. Особенно многочисленны там чада св. Франциска. Их убогие обители, отличающиеся безыскусной простотой, легко заметить на фоне зданий великолепной архитектуры.

Именно в этом прелестном уголке, украшенном как природой, так и благодатью, угодно было Богу даровать рождение святому Герарду. Его отец, человек скромного происхождения, ремеслом портной, был, однако, исполнен благочестия и добродетели. Сего достойного мужа – именуемого Домиником Майеллой – Небеса наградили сначала двумя дочерьми, а затем сыном, повествование о короткой, но достоивной жизни коего мы и намереваемся представить читателям. Этот мальчик родился 6-го апреля 1726 г. и был крещён под именем Герард прямо в день своего рождения в кафедральном соборе родного города.

Дивен Бог во всех святых Своих, но правда также и то, что сии избранные слуги Его отображают благость и премудрость Его чрезвычайно различным образом. Это с необходимостью следует из того, что и чрезвычайно различны и задачи, к осуществлению коих они призваны в сложной истории Церкви воинствующей. По нужде и дар. Иные из величайших святых отображали Совершенства Божии, с незапятнанными душами исполняя свои бытовые обязанности. Добродетели их были героическими, но их призвание не требовало наделения их множествами необычайных дарований. Иные, наоборот, даже на кровлях проповедовали (*ср. Мф. 10:27*) беспредельное Могущество Божие дивными чудесами, кои он удостоил их совершить, а вернее, Сам соизволил совершить по их молитвам и с их посредством. К последней разновидности и относится наш святой Герард.

Его жизнь была одним продолжительным чудом. Кажется, Богу было угодно с его помощью выставить на посмешище тщеславный восемнадцатый век, выпавший ему на долю. Длинная цепочка его чудотворений является самодостаточным ответом на глумление безбожников не только тех времён, но и нынешних дней.

Бессмысленно теоретически внушать, что того-то и того-то не может быть, тем, у кого это совершалось наяву прямо перед глазами. Поэтому никто из наблюдавших деяния святого Герарда не сомневается в возможности чудес; ведь он творил чудеса всю свою жизнь, непрерывно, а часто – при большом стечении народа. Хотя бы по этой причине повествование о его жизни даёт хороший урок нашему материалистическому веку. Его житие прямо-таки дышит сверхъестественностью. Будучи в мире, но отнюдь не от мира, он кажется гостем с вечных берегов, прибывшим на краткий миг побыть среди нас. Жизнь его такова, что в ней слышится безмолвное Присутствие Незримого, правящего всем, что мы видим вокруг. Её назначение – огненными буквами выжечь в наших умах и сердцах памятование о Владычестве Божиим.

При написании этого краткого очерка о святом Герарде мы смогли упомянуть лишь о немногих из его чудес. Если кто-нибудь желает детально изучить подтверждения, на которых основаны рассказы о них, мы отсылаем его к свидетельствам, приводимым в процессе беатификации. Если показания сего рода, данные под присягой массой всячески достойных доверия свидетелей, отвергнуть как неубедительные, то непонятно, что может быть принято в качестве приемлемого доказательства.

Когда Герард был совсем мал, наш Господь в дивном снисхождении Своём изволил сблизиться с ним необычным и трогательным образом. Итак, рассказывают, что когда ему было всего пять лет, он однажды посетил церквушку в селе под названием Капотиньяно, располагавшейся на расстоянии чуть более мили от Мура – там хранился почитаемый образ Богородицы с Богомладенцем на руках. Едва он преклонил колени, чтобы произнести молитву, как Молвивший, что радость Его пребывает с сынами человеческими (*ср. Прем. 8:31*), явственно спустился с рук Своей Матери и с улыбкой на устах пустился по-свойски играть с маленьким Герардом. А через какое-то время Святой Ребёнок подарил Герарду в знак своей любви крошечную булочку невероятной белизны (Чудеса – сколь бы ни были они необычайны, – как правило повторяются в житиях святых. Тут интересно заметить, что весьма похожее вышеописанному явление обнаруживается в рассказе о раннем детстве св. Германна Иосифа (*пам. 24 мая*). – *прим. авт.*).

Когда Герард добрался домой, он, как легко представить, был всё ещё преисполнен невинного счастья. Полученный чудный подарок он с сердечным ликованием беспромедлительно вручил своей матери. Она, естественно, весьма удивилась и спросила мальчика, кто дал ему этот хлеб.

– Ребёнок одной прекрасной дамы, – ответил он, – с которым я играл.

В дальнейшем много дней подряд чудо повторялось. Каждое утро Герард, побуждаемый небесным влечением к вифлеемскому Богомладенцу, хаживал в капотиньянский храм, и каждый раз явление возобновлялось. Как-то раз его сестра Бригитта последовала за ним на некотором расстоянии и стала очевидицей этого дивного зрелища.

Много лет спустя, когда Герард уже стал редемптористом, и сестра однажды навестила его, он со своей обычной простотой сказал ей:

– Теперь уж я понимаю: это Младенец Иисус дарил мне тогда те чудесные булочки.

– Отлично, – отвечала сестра с улыбкой, – так давай навестим Его ещё разок!

– Незачем, – возразил Герард, – ведь теперь я могу найти Его где угодно.

Этот святой ребёнок, уже столь милый Святому Сердцу Иисусову, не достиг и семи лет, когда душа его взалкала Хлеба, сшедшего с небес (*ср. Ин. 6:58*). Однажды во время мессы мальчик почувствовал сокровенное вдохновение пойти вместе с народом и принять святое причастие. Священник, разглядев, что на вид он ещё едва вышел из младенческого возраста, прошёл мимо него. Когда малыш вернулся на своё место в церкви, слёзы катились по его щекам. Но следующей ночью великий архангел св. Михаил пришёл утешить его, доставив ему Тело его Господа. Несомненно, это чудесное причастие было одной из основных причин

того молитвенного почитания Архистратига, которое Герард пронёс через всю свою жизнь.

Хотя в школу Герарда отправили рано, за свои добродетели он вскоре весьма полюбился наставнику и ученикам. Всех изумляло его необычайная набожность. Его благоговение перед святым причастием и Пресвятой Богородицей укреплялось день ото дня. Рассказывают, что в ту пору своей жизни в торжественные мгновения между пресуществлением Даров и причащением священника пред восхищённым взором мальчика на алтаре часто являлся Младенец Иисус.

Впрочем, в набожности его не было ничего болезненного или иллюзорного. Подтверждается это его постоянным и неослабным милосердием – этим краеугольным камнем всякой истинной святости. Исполненный любви к Богу, всегда стараясь всеми силами помочь тем, кто в беде, Герард ежедневно возрастал в благодати, пока в десять лет не получил от своего исповедника позволение приступать к святому причастию через день. А после смерти святого его матушка, вспоминая о детстве своего мальчика, высказалась следующим образом:

– Одна утеха была у моего ребёнка – стоять на коленях в церкви перед Святыми Тайнами. Бывало он задерживался там так долго, что, забывшись, пропускал обеденный час. Дома же он, хоть и был совсем юн, целый день молился. Он был рождён для небес.

Блаженна мать такового сына!

ГЛАВА II. КАК ОН БЫЛ ПОДМАСТЕРЬЕМ

Когда Герард, покинув Муро, жил в закрытой школе неподалёку, он получил весточку о смерти отца. Мать его теперь оказалась в несколько стеснённых обстоятельствах и была вынуждена забрать ребёнка из школы. Она отдала его в подмастерья портному по фамилии Паннуто. На этом месте мальчик сердцем и душой отдался работе, но при этом сохранил чуткую отзывчивость к вдохновениям свыше, непреодолимо влекшими его к внутренней жизни.

Зачастую, хоть пальцы его трудились иглой, дух его был восхищен в Боге. Уже тогда он время от времени приходил в экстаз.

Также в его обычае было прятаться под рабочим столиком, чтобы втайне от людских взоров вольнее излить своё сердце в пылкой молитве. Его хозяин, Паннуто, любил его и, признавая его достоинства, не стал бы препятствовать сим необычайным внушениям благодати Божией, но не таков был его бригадир, человек крутого нрава, не понимавший нашего святого. Однажды он выволок его из уголка, где он молился, и надавал ему тумаков.

– Бей! Бей! – кричал Герард, – Ты прав, поделом!

В другой раз этот тиран ударил жертву своего зверства так крепко, что Герард рухнул на пол без чувств. Внезапно тут же объявился Паннуто и потребовал объяснений. Бригадир не знал, что ответить, но, положившись (и, как показал итог, небезосновательно) на безотказное милосердие мальчика, с заиканием пробормотал:

– Он знает! Пускай сам скажет!

Святой кротко – и притом совершенно правдиво – ответил, что упал за ткацким столиком, умолчав о причине столь болезненного падения.

Даже после этого Герард непрестанно претерпевал оскорбления и побои от своего свирепого мучителя. Всё это он сносил с улыбкой, прощая своего преследователя, которого он безоговорочно считал орудием воли Божией. Он прекрасно понимал, что эти страдания служили цели его освящения, помогая сформировать в нём христианский характер, придавая ему больше кротости, мягкости, смирения и способности прощать – словом, делая его всё более и более подобным Христу, Господу его, Который, будучи злословим, не отвечал тем же (*ср. 1 Пет. 2:23*), а радостно переносил неизреченные бесчестия от рук грешников.

Между тем Бог уготовал послабление для Своего слуги. Однажды Паннуто тайком проследовал за ним до церкви и был потрясён зрелищем, представшим перед его взором. Помолившись некоторое время с великим пылом, он совершил смиренный акт умерщвления гордыни, широко распространённый в народе на юге Италии – тот самый акт, который св. Альфонс советовал исполнять импульсивным неаполитанцам во искупление кощунств, к несчастью, слишком обычных в их среде. Итак, Герард пал ниц, поцеловал пол и вёл по нему языком, подползая к подножию алтаря. После чего он немедля был восхищен духом.

Эта сцена произвела на Паннуто долговременное впечатление. Изумившись при виде того, как его юный подмастерье обрёл от Бога дар столь возвышенного созерцания, хозяин с тех пор почитал его как святого, а его мучителя уволил.

В ту пору Всемогущему Богу было угодно совершить чрез святого Герарда следующее великое чудо. Однажды ночью слуга Божий сторожил хозяйский виноградник вместе его сыном его, оберегая его от воров. С тем чтобы придать больше выразительности своему благоговению перед Страстями нашего Господа, Герард соорудил крест, расставил вокруг него несколько свечей и запел «Miserere – Господи, помилуй». Внезапно загорелось несколько стогов сена.

Сын Паннуто издал тревожный крик.

– Пустяки, – отозвался Герард, и, едва он осенил пламя крестным знаменем, оно тут же угасло.

Всё ещё работая на Паннуто, в праздник Пятидесятницы 1740-го года наш святой принял таинство миропомазания от рук епископа Лачедонья, действовавшего от имени архиерея той епархии. Тогда Герарду было четырнадцать лет. С тех пор казалось, что он в глубине души своей заключил теснейший союз со Святым Духом Божиим. Особое почитание Святого Духа всегда было одной из отличительных черт его благочестия.

В дальнейшем, если у него когда-либо спрашивали совета, он обычно сперва призывал Всеведущего Духа Божия. Несомненно, именно этот благочестивый обычай был источником неизменной благоразумности тех советов, которые он давал – порой в чрезвычайно затруднительных случаях.

Когда Герард закончил обучение у Паннута, мать отдала его в мастерскую другого портного, по имени Вито Меннона. Там была замечена его глубокая молитвенность, покорность и милосердие, так что его хозяин проникся почтением к сему слуге Божию, длившимся до блаженной смерти его. В старости Меннона совершал регулярные паломничества в редемптористскую обитель, где Герард прожил свою жизнь, и изливал там свою душу, с величайшим воодушевлением рассказывая о добродетелях сего святого инок.

Однако юный почитатель Распятого счёл, что слишком хорошо устроился у добряка Менноны. Он чувствовал неодолимое влечение к иноческому житию. Посему, заявившись в монастырь капуцинов, расположенный по соседству (где жил его дядя, о. Бонавентура – довольно тонкий богослов), он настоятельно просил принять его в послушники, чтобы в дальнейшем облечься в хабит св. Франциска. Однако юный возраст и хрупкое здоровье послужили причиной отказа ему со стороны руководства, которое рассудило, что просьба его имела причиной скорее мимолётный порыв, нежели Божие призвание.

Дабы хоть как-то утешить племянника, опечаленного отказом, о. Бонавентура подарил ему новый костюм, в котором тот, как написано, отчаянно нуждался, и распрощался с ним. Однако случилось так, что при вратах монастыря Герард встретил убогого нищего в лохмотьях, просившего подаяния ради любви Божией. Тронутый зрелищем его несчастья, Герард немедленно снял своё новое платье и отдал его бедняку. А О. Бонавентура, будучи извещён о том, остался не очень доволен тем, каким образом племянник распорядился его подарком, и послал за виновником, чтобы выразить ему своё недовольство.

– О дядюшка! – возразил святой, – Умоляю, не серчайте! Нищий, которому я отдал одежду, нуждался в ней куда больше, чем я. Если бы вы сами увидели этого бедного брата Христова, вы первым бы отдали платье ему.

О. Бонавентуре было нечего сказать. А в сердце своём он возблагодарил Бога за то, что Он научил племянника великой любви к бедным, столь драгоценной нашему Господу.

ГЛАВА III. ЕГО ИСПЫТАНИЯ И ПРИЗВАНИЕ

Когда капуцины отказались принять святого Герарда в свой орден, он решил подождать более ясного указания Божия, а тем временем усерднее обычного потрудиться на стезе освящения. Ввиду этой цели он нанялся слугой к одному господину, печально известному таким неукротимым нравом, что никто не мог и месяца прожить под его началом. И возрадовалось сердце Герарда пред открывшейся ему стезёй жизни, полной трудов и унижений, ибо на ней ему предоставлялась возможность подражать Ему – Господу небесному, явившемуся ради нас в образе раба (*ср. Флп. 2:7*). Воистину мысль о смирении и кротости нашего блаженного Спасителя посреди жутких страданий служила ему единственным утешением в этих новых обстоятельствах.

Бедному юноше было всего шестнадцать лет, когда он стал для своего злонравного хозяина отдушиной при всяком дурном расположении духа. Многочисленные приказы, упрёки сыпались на него без остановки, непрерывная брань, угрозы выгнать из дому – таков был удел Герарда от самого начала. Люди дивились, как он это всё сносит, но он неизменно говорил, что хозяин – его

лучший друг, и что со своей стороны он и подумать не может ни о чём другом, кроме как усердно держаться за эту должность.

Он жил в величайшем самоограничении. Обыденной пищей его были сухари. Если ему перепало малость овощей, он считал это роскошным пиршеством. Всё, что ему удавалось сберечь из предоставляемых ему харчей, он раздавал нищим. Свободное время он обычно целиком проводил в присутствии нашего Господа во Святых Тайнах.

Именно в эту пору Богу было угодно вознаградить верность слуги Своего ещё одним великим чудом. Однажды, когда хозяин ушёл на прогулку, Герард запер дом и, захватив с собой ключи, отправился за водой к одному колодцу на городской площади. Когда он преклонился через край, драгоценный ключ по какой-то несчастливой случайности выскользнул у него из ладони и упал в глубь колодца.

– Что скажет хозяин?! – в крайнем ужасе воскликнул святой, – Как он разозлится!

Только в первый миг его охватило смятение. Затем из самой глубины своего сердца он испросил помощи у Бога. Внезапно пришло озарение. Быстро сбегав в ризницу собора, он примчался со статуэткой Младенца Иисуса в руках. Прохожие, оказавшиеся свидетелями этой сцены, замерли, ожидая, что же будет дальше. В полной тишине Герард со всей своей простотой воззвал к нашему Господу, попросив Его вернуть потерянный ключ.

Вскоре зрители увидели, как он привязал статуэтку к верёвке. Затем спускал её всё ниже и ниже в колодец. И вот, статуэтка вновь оказалась снаружи, ко всеобщему ликованию вытащив ключ, который возвратился ко счастливому обладателю! Не удивительно, что о таком чуде молва разошлась на много миль по всему краю. Даже донныне вам покажут колодец, который в память о чуде с тех пор был известен как Pozzo Gerardiello, то есть Герардов колодец.

Наш святой провёл в услужении этому суровому угнетателю целых три года, когда тиран внезапно умер. Отнюдь не чувствуя никакого душевного облегчения, он оплакивал эту потерю, словно бы покойный был его лучшим другом или благодетелем. Такова была его всегдашняя жажда пострадать ради любви Христовой.

Тогда святой Герард решил возвратиться домой и заняться своим портновским ремеслом. Целыми днями он трудился не покладая рук. Значительную часть ночи он проводил в соборе перед Святыми Тайнами. Он поистине постоянно вёл жизнь, в высшей степени исполненную героической святости. Прекрасно зная, что милостыня и пост суть крылья, на коих наши молитвы воспаряют к небесам и делаются угодны пред ликом Божиим, он разделил всю свою выручку на три равные части. Часть он отдавал матери на хозяйство, другую – уделял нищим, а оставшуюся треть с любовью жертвовал на мессы за упокоение душ в Чистилище.

Кроме того он усугубил телесный подвиг, бичуя себя с великой суровостью, и вообще обращался с плотью своей крайне строго. В то же время, непрестанно помышляя об Иисусе, позволившем обращаться с Собой при дворе Ирода, как с шутком, святой Герард притворялся на улице сумасшедшим и ликовал, когда мальчишки из его родного города презрительно обращались с ним, как с

дурачком. Подлинная любовь – любовь святых к Богу – крепка, как смерть (*ср. Песн. 8:6*), и крепче самой жизни. Герард, будь это возможно, запалил бы весь мир пламенем братской любви, которое Бог возжёт в его чутком сердце. Часто он, словно бы вынуждаемый к тому неким непреодолимым побуждением, взывал к матери, сёстрам или друзьям:

– А пойдёмте навестим Иисуса во Святых Тайнах! Где Он, как не там – пленник любви к нам! Ну же!

Да, святое сердце Иисусово целиком привлекло к Себе сердце Герарда!

С сей пылкой любовью к нашему Благословенному Господу в нём сочеталась нежнейшая привязанность к Марии, кроткой Матери Божией. Когда он оказывался близ какого-нибудь образа Богородицы, его почти невозможно было сдвинуть с места. Он любил повторять вновь и вновь:

– Мадонна похитила моё сердце, ну а я подарил ей его.

Однажды, когда в Муро совершали новенну в честь Непорочного Зачатья, Герард надолго остался на коленях, горячо молясь пред образом безгрешной Царицы Небесной. Затем он на виду у всего народа внезапно поднялся и, подобно св. Эдмунду Кентерберийскому за много столетий до того, надев кольцо на палец статуи, громогласно воскликнул:

– Смотрите, я обручился с Мадонной!

Таким образом он принародно объявил, что посвятил жемчужину девства своего преславной Невесте невестной.

Герарду исполнилось двадцать два года, когда Промыслу Божию наконец изволилось открыть пред ним врата к иночеству.

В 1749 году отцы-редемптористы были на миссии в Муро. Герард уже и в предыдущие годы высказывал живейшее желание вступить в Конгрегацию Святейшего Искупителя в качестве светского брата, теперь же он возобновил свои просьбы о том с ещё большей настойчивостью, нежели прежде.

Однако поначалу его верность Богу подверглась такому же испытанию неудачей, каковую ему довелось испытать у капуцинов. Среди миссионеров в Муро был отец Кафаро, ректор обители Иличето. Он отметил хрупкость Герардова телосложения и подумал, что он совершенно непригоден для трудной жизни светского брата. На этом основании он счёл своей обязанностью ответить на прошение нашего святого категорическим отказом.

Между тем мать и сестра Герарда со своей стороны тоже отнюдь не бездействовали. Их ужасала сама мысль о возможности лишиться его и, зная, что, несмотря на все препятствия, он далёк от того, чтобы отчаяться и оставить свой замысел, они заперли его – как им казалось, надёжно – в его комнате. Но узник разрезал постельное бельё и с его помощью спустился из окна, оставив записку, сообщавшую, что он ушёл искать святости.

Тут он последовал за отцами-редемптористами в городок, называемый Рионеро, куда они направлялись на миссию, и самым смиренным, самым что ни на есть

трогательным образом возобновил свои мольбы. Получив очередной отказ, он воскликнул:

– Но хотя бы испытайте меня! Вот и всё, о чём я прошу! И можете меня потом отослать, если вам будет угодно.

Видя, что они всё ещё намерены не принимать его, он пал на колени и, горько разрыдавшись, заявил, что если ему откажут от приёма в монастырь, он каждое утро будет являться при его вратах и просить милостыню вместе с нищими. Таковая твёрдость намерения глубоко тронула о. Кафаро. И он решил дать подвергнуть Герарда испытанию, коего он так страстно жаждал. С этой целью он послал его в Иличето к заместителю настоятеля той обители с запиской, в которой прямо говорилось:

«Направляю к вам никудышного монаха».

Св. Альфонсо (*Лигуори, пам. 1 авг.*), написавший житие о. Кафаро, оставил нам свидетельства исключительной святости этого великого слуги Божия, которого он весьма хорошо знал. Но даже о. Кафаро был не в силах предвидеть, насколько мощно Бог поддержит начинание нового послушника. Его хрупкая плоть укрепитя настолько, что в исполнении обыденных обязанностей своей многотрудной должности он смог бы оказаться самым полезным членом любого сообщества, к какому бы ни примкнул. Но это – в будущем.

В настоящий момент он всего лишь «никудышный монах».

ГЛАВА IV. ПОСЛУШНИЧЕСТВО

Герард, подобающим образом вооружённый сим кратким рекомендательным письмом отца Кафаро, со всяческой поспешностью направился в редемптористскую обитель в Иличето. Расположенный на пустоши более чем в миле от городка, этот монастырь изначально был построен блаженным Феликсом Корсанским для августинцев, но они покинули его незадолго до того, как святой Альфонс выбрал его в качестве обители для своих иноков. Эта обитель всегда была весьма дорога святому Основателю, который любил её прежде всего ради древнего чудотворного образа Богоматери Утешительницы, хранившегося в церкви, примыкающей к монастырю. Именно здесь св. Альфонс написал свою первую книгу, широко известную под названием «Посещение Св. Тайн», и именно здесь Герарду предстояло провести большую часть своей короткой иноческой жизни.

Он пробыл в обители от силы несколько дней, как стало очевидно, что новый брат является образцом всех добродетелей. Как только отец-ректор вернулся домой, ему сообщили, что послушник, которого он направил в Иличето, отнюдь не «никудышный», как он опасался, а напротив, он оказался величайшим благословением для всего сообщества. Вскоре после этого Герарда по чину приняли в новициат, и он получил святое иноческое облачение.

Поистине никогда мир не видывал более ревностного послушника. И хотя его жизнь в миру была чрезвычайно удивительна, его монастырская жизнь поражала ещё более. Согласно свидетельству прочей братии он в одиночку справлялся с работой за четверых. При этом никто лучше него не умел совмещать жизнь

созерцательную с деятельной, превращая любое внешнее занятие в сплошную молитву, как бы нерушимо блюдя вассальный долг перед Величеством Божиим.

Он никогда не забывал, кем был тот Наставник, которому он имел честь служить в иноческом чине. Монастырь, в котором он проживал, представлялся его взору Палатами великого Царя. В светозарном сиянии Его истинного Присутствия (*во Св. Дарах, – прим. пер.*), среди служителей Его Герард обрёл высшее счастье своей жизни, а его верное сердце ликовало от упования послужить своему Господу не только словом, но и делом, «в великом терпении.., в трудах, в бдениях, в постах.., в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви» (2 Кор. 6:4-6).

На краткое время он был занят уходом за садом. Этот род ручного труда наверняка был незнаком и довольно сложен для юного портного. Но он никогда не жаловался. Наоборот, он старался взять на себя и работу других в дополнение к своей, приговаривая с улыбкой на лице:

– Дайте-ка я! Я же всех моложе. А вы отдохнули бы малость.

Чем более низменным было назначаемое ему послушание, тем более он оказывался им доволен. Глубоко укоренившись в смирении, он словно бы обручился с работой и был несчастен в разлуке с этой своей невестой. Сразу можно сказать, что это было одной из самых характерных черт святости Герарда всю его жизнь. Мечтательное, никчемное или бездеятельное существование уж точно было не по нём.

Как мы увидим, он вновь и вновь проявлял загадочную власть над неодушевлённым творением. Бог наделил его оной, как св. Франциска и множество первых учеников его, вознаградив тем чистоту сердца, благодаря коей он почти что возвратился в состояние «изначальной праведности» – когда Человек, прежде чем грех исторг скипетр из его десницы, являлся самым настоящим Властителем всего творения. Однако эта совершенная чистота духа, эта незамутнённая ясность видения, доходящая до такого совершенства, что, кажется, природа снимает покровы и обнажает скрытые под оной силы незримого мира, приобретается ценой полного самообладания и героического умерщвления всего, что есть в плоти плотского, а в чувствах – чувственного. Это по крайней мере частичное отвоевание своего законного владения во вселенной, которое человек утратил в начале первого великого грехопадения, является одним из неожиданных последствий (происходящих от благости Божией) подвига святых – зачастую приводящих их самих в замешательство, – притом, что подвиг сей порой ужасает нас своей суровой решимостью на непрестанное самораспятие (*Так и ап. Павел пишет: «Всегда носим умерщвление Иисуса вокруг тела нашего, чтобы и жизнь Иисусова открылась в телах наших» (2 Кор. 4:10), – прим. авт.; пер. Евг. Розенблюма*).

Не боясь преувеличения, можно утверждать, что среди святых нелегко сыскать большего подвижника или приверженца телесного самоограничения, чем Герард Майелла; однако в то же время он отлично понимал, что подвиг, предпочитаемый Богом, наиболее приятный в очах Его – это подвиг, ведущий к добросовестному исполнению обязанностей нашего (монашеского) чина, когда всегда и при любой возможности щадят других, никогда не щадя себя. Герард

прекрасно знал, что без сего животворящего духа, происходящего из Сердца Иисусова, самоумерщвление, пускай даже подобное тому, коему предавался Креститель в пустыне или св. Симеон на своём столпе, было бы как медь звенящая или кимвал звучащий (ср. 1 Кор. 13:1).

Святой Герард навсегда останется – в первую очередь, несомненно, для тех, кто подобно ему самому призван к иночеству, но также и для тех, кто внимает его житию – наисовершеннейшим образцом любви труждающейся. Тот, кто, как брат Герард, ступает «стезёй труда тернистой» (*Дж. Мильтон, Люсидас, – пер. Ю. Корнеева*), и кто, подобно ему, становится всем для всех (ср. 1 Кор. 9:22), встречающихся ему, станет, подобно ему, мил Богу и мил сотоварищам своим.

Поистине, так велика была его кротость, так благочестива и самоотверженна была жизнь его, что в пору новициата о нём говаривали: «Этот брат то ли дурачок, то ли великий святой». Но Герард и вправду был святым, пленённым священным юродством креста Христова (ср. 1 Кор. 1:18).

Недолго продлилось послушание св. Герарда в саду. Вскоре ему было поручена более подходящая должность – ризничего. Легко представить, с какой радостью он приступил к обязанностям, благодаря коим постоянно можно было находиться в непосредственном присутствии Господа – единственной любви его сердца. Спустя пятьдесят лет после его смерти люди всё ещё поминали с изумлением ту заботу, которой он окружил всё в доме Божиим. То, с каким вкусом он украшал алтари – особенно к великим праздникам, – служило предметом всеобщего восхищения. Он всю душу вкладывал в работу. Единственным его помыслом было соделать прекрасным место пребывания Иисуса, а беспокоился он паче всего о том, что при посещении Святых Тайн что-нибудь может оказаться в небрежении.

Сам же он всякий свободный миг проводил перед дарохранительницей. Отец Таннойа (*Антонио, слуга Божий, C.SS.R., 1727-1808 гг.*), досточтимый биограф св. Альфонса, рассказывает, что однажды ему довелось оказаться в том приделе церкви, где он был никому не виден, и заметил оттуда, как святой брат остановился и преклонил колени перед алтарём. Затем он начал как бы бороться с самим собой, словно не в силах оторваться от чего-то, неодолимо привлекавшего его. После некоторых усилий он, будто не в силах вырваться, громко воскликнул (полагая, что никого рядом нет):

– Господи, умоляю, отпусти! Мне ещё работать!

Затем послушание и долг восторжествовали в его душе. Он вырвался из объятий своего Господа. Такова любовь святых к Иисусу, скрытому во Святых Тайнах.

Рука об руку с любовью к Иисусу идёт любовь к Марии – Преблагословенной Матери Его. Рвение св. Герарда, верного чада св. Альфонса, к распространению почитания Пресвятой Богородицы буквально не знало границ. Не довольствуясь строгими постами во время новенн, предшествующих богородичным праздникам, он завёл неизменный обычай проводить последнюю ночь в священном бдении, молясь пред Её изваянием или образом. Не было для него большего счастья, чем поучаствовать в устройении большого крестного хода в честь небесной Матушки; и не щадил он сил, насколько возможно содействуя целительному упованию на Её.

Святые оказывают много внимания предметам, которые людям бездумным кажутся малозначимыми. Известно, например, что одной из величайших утех для Герарда было раздавать направо и налево чётки и скапулярии, посвящённые Пресвятой Богородице. Он прекрасно знал, что если люди усердно молятся по чёткам, то они и к таинствам приступают чаще, и укрепляются в страхе Божиим и любви; а благоговейное ношение скапулярия служит залогом особой защиты от сей Матушки, которая никогда не позволит никому из верных чад своих умереть во вражде с Божественным своим Сыном.

Итак, преисполненный любви к Иисусу и Марии, сей святой монах представлялся более серафимом небесным, нежели жителем нашей убогой земли. Его необычайная святость была столь очевидна для всех, что св. Альфонс своим распоряжением охотно сократил для него обычный для светских братьев в конгрегации срок искуса, позволив ему принять постриг 16 июля 1752 года.

Сердечная радость его была просто невыразима! Ведь с сей поры он принадлежал исключительно Богу, Спасителю своему, а золотые цепи священных обетов навеки приковали его к вечному служению Ему. С сей поры, мёртвый для мира, он обязался жить для одного лишь Бога. Лишённый всего земного, сораспявшись Христу, своему Наставнику, он безоговорочно представил себя в приношение Всевышнему (*ср. Рим. 12:1*). Тот, Кого никак не превзойти в щедрости, принял эту жертву и воздал сторицей. Бог воззрел в сердце чада своего и, узрев, что в нём нет ни капли себялюбия, наполнил его даже с преизбытком дарами Своей святой любви.

ГЛАВА V. ЕГО НЕОБЫЧАЙНЫЕ ДАРЫ

Незадолго до пострижения Герарда о. Кафаро покинул должность ректора Иличето. На смену ему пришёл о. Фиокки. Именно во время его ректорства святой монах положил начало длинной череде знамений, которые прекратились только с его смертью. Благодаря великому сиянию уделённых ему сверхъестественных даров, Герард оказался в одном ряду с такими чудными святыми, как Иосиф Купертинский (*пам. 18 сентября*) и Кристина Удивительная (*пам. 24 июля*).

Некоторые из событий, о которых мы намереваемся поведать, поистине поразительны, но все они подтверждаются неопровержимыми свидетельствами, все – или почти все – имеют свои параллели в житиях святых и все они проповедуют – пускай языком тёмным и едва понятным – Полновластие Господа нашего Бога (*ср. Пс. 18:2*), изволившего таковым загадочным способом возвысить прямо здесь, в земной юдоли, Своего смиренного и верного слугу.

Однажды, когда Герард путешествовал вместе с двумя молодыми селянами, они приблизились к церкви, посвящённой Пресвятой Богородице. Святой тотчас воспользовался возможностью поговорить со спутниками о несравненном величии нашей Препоблагословенной Владычицы. Едва сладчайшее имя Марии изошло из уст его, как лицо его огневидно просияло, а сам он как бы преобразился. Затем, взяв карандаш и клочок бумаги, он написал что-то и подбросил в воздух, словно это было письмо Царице Небесной. Это движение он сопровождал мощным скачком, за которым немедленно последовало то, что писатели называют «экстатическим полётом»: спутники Герарда увидели, что он у

них на глазах внезапно поднялся над землёй и чудесным образом переместился в воздухе на расстояние более полумили.

А приземлился он только для того, чтобы совершить новое чудо, на этот раз чудо братской любви и исцеления. Дойдя до врат своего монастыря, он обнаружил, что там его дожидается молодой человек, нога которого была поражена гангреной. Бедный страдалец с большим трудом добрался в Иличето, чтобы лично попросить молитв о себе у слуги Божия, молва о святости которого гремела уже далеко окрест. Едва завидев Герарда, он принялся слёзно восклицать, что не может более трудом своим зарабатывать на хлеб насущный и потому поневоле вынужден вести жизнь попрошайки. Растрогавшись до глубины души, святой попросил позволения осмотреть больную ногу. Она была обмотана многими слоями бинтов.

Святой Герард, бережно удалив обмотки, увидел, что плоть была изъедена жуткой раковой опухолью. Тогда, вдохновляемый примерами великих святых Божиих, свершавших в своё время подобные чудеса любви, он припал устами к язве и высосал из неё весь гной.

Господь наш не оставил таковой героизм без подобающей награды.

– Положись на Господа, брат мой! – воскликнул святой, – Ты скоро поправишься!

Затем он тщательно вытер больное место и перебинтовал его чистым полотном. Юноша, преисполненный счастья и признательности, пал в ноги Герарду, благодаря его за великую доброту, называя его святым свыше, и ангелом, посланным человеколюбивым Богом на радость чадам Своим. Но святой инок не принимал благодарностей. Благодарить, по его словам, подобало лишь Бога. Он посоветовал юноше выразить свою признательность, ведя в дальнейшем подлинно добродетельную жизнь. Однако бедняка было не остановить. Когда на следующее утро он обнаружил, что нога совершенно здорова, она стал возвещать о сем чудесном исцелении всем встречным, так что вскоре весь городок гудел этой новостью.

Немного времени прошло с принятия брата Герарда в Конгрегацию, как его, всё ещё ризничего, направили в услужение четырём молодым семинаристам, проходившим в обители духовные упражнения в качестве подготовки к рукоположению. Исполняя это послушание, он однажды зашёл в гостевую трапезную, чтобы накрыть на стол к обеду. А в той трапезной висело на стене изображение нашего Господа «Се человек». В тот миг, когда Герарда встретил взор своего Божественного Наставника, его взор замер, прикованный к Нему, руки простёрлись в стороны, тело стало неподвижно, как мёртвое. Так он и оставался, словно бездыханный, в том положении, в коем его застигло наитие Божие: в одной руке – вилка, в другой – салфетка. Вскоре явился другой светский брат. Заметив, что стол ещё не накрыт, а Герард не шелохнётся, он позвал его, но вотще. Ни ответа, ни признаков жизни. Естественно, брат несколько встревожился и созвал ещё нескольких монахов. Все вместе они вновь попытались привести Герарда в чувство. Совершенно без толку. Пригласили, наконец, отца-ректора. Он, взяв Герарда за плечо, встряхнул его и потребовал «ради послушания» прийти в себя.

При экстазе послушание – это та единственная сила, что могла вернуть его на землю. Как только упоминалось послушание, его экстаз всегда прекращался. Это является непогрешимым признаком доброго духа, единственным способом проверки, с помощью которого дар Божий можно отличить от его дьявольской подделки. Ну а в описанном случае, дабы сохранить Герарда в глубоком смирении и как можно надёжнее защитить его от всякой угрозы прелести (delusion), отец-ректор сделал святому брату суровый выговор и велел немедленно приступить к своей работе.

Святой Герард, ошарашенный тем, что его застигли в мгновения бескрайнего блаженства общения с Небесами, с радостью принял упрёк. Он всегда считал себя неправым. По его собственному мнению он был недостоин разговаривать с Богом даже в самой простой молитве, не то что быть восхищаемым экстатическими созерцаниями. Сего он никоим образом не чаял и не искал. Однако совершенно не в его силах было противостоять телом или душой властным действиям Святого Духа Божия. Всё что он мог – это быть послушным орудием в руках Творца.

Это был не единственный случай, когда просто взгляда на изображение Страстей было достаточно, чтобы ввергнуть его в экстаз. Однажды в страстную пятницу (первую после его пострига) по улицам городка Корато проносили большой образ Распятия. А Герарду довелось быть в то время в Корато, и, когда, следуя по намеченному пути, крестный ход вступил в бенедиктинскую церковь, образ был пронесён мимо того места, где он коленопреклонённо творил молитву.

При мысли о страданиях нашего Святейшего Искупителя, столь живописно явленных перед его взором, святой Герард был охвачен безотчётным порывом небесной любви. Он впал в экстаз и – в присутствии всех собравшихся – поднялся над землёй на изрядную высоту, а его взгляд всё это время был неотрывно прикован к измученному лику его распятого Спасителя.

Как Давид плясал перед ковчегом Ветхого Завета, так и Герард, живя при Новом Завете, порой изъяснял своё ликование о куда более глубоких утешениях, коими его одаривал его Господь. Однажды в монастырь зашёл нищий слепец; он играл на флейте и просил подаяния. Герард попросил его подобрать итальянский мотивчик к гимну, написанному св. Альфонсом, начинавшемуся со слов:

Свершись же замысел благой Твой, а не мой,

Любовь моя единственная, Боже!

Мне нечего желать перед Тобой,

Кроме того, что Ты предложишь.

Господня воля! Воля пресвятая!

Любовь наша навеки, навсегда!

Едва странствующий музыкант заиграл, на Герарда снизошло упоение небесной любви. Внезапно он начал плясать и подпрыгивать, повторяя снова и снова первые строчки гимна. Затем, обратив взор к небесам, он оторвался от земли со скоростью устремлённой к цели стрелы и, охваченный экстазом любви, на некоторое время завис в воздухе без посторонней поддержки.

В другой раз в ходе беседы с о. Стрина, широко известным почитателем Младенца Иисуса, Герард сказал ему шутя:

– Что-то ты совсем не любишь Богомладенца!

– А ты, – возразил о. Стрина, – не любишь Мадонну!

Для святого Герарда это было уж слишком. В один миг, преисполнившись небесной любовью и укрепившись сверхъестественной силой, он обхватил изумлённого о. Стрина и закружил его в танце, поднимая его над землёй с такой лёгкостью, словно бы тот весил как соломинка.

Таков был этот смиренный светский брат, который хоть и оставался, как пленник земного бытия, в сем теле смерти (*ср. Рим. 7:24*), был свободен от власти чувств над духом и материи над свободой небесных созерцаний, что обычно обременяет бедных смертных тяготами своими в пору их пребывания в сей юдоли. Герард воспарял в небеса не только на крылах искренней молитвы, но, благодаря редкому дару, порой и тело своё возносил вместе с духом, устремлявшимся горе.

Другим даром, которым обладал наш святой, была его способность узнавать о событиях, происходивших на далёком расстоянии, о которых он никаким естественным способом получить сведения. Так, он был сверхъестественным образом извещён о трагической гибели священника, что крестил его во младенчестве. Когда этот достойный клирик был убит на улице городка Муро, Герард в самый день убийства сообщил печальную весть трём его землякам. Дадим одному из них изложить эту историю своими словами.

«Я тогда был на учёбе в Неаполе, – пишет он, – Герард частенько заходил ко мне вечерами, и мы читали розарий вместе. Однажды вечером он показался мне довольно грустным и подавленным. Я поинтересовался о причине его расстройства.

– Дорогой мой Паскуале, – сказал он в ответ, – Меня огорчает мысль о том, что наш дорогой протоиерей только что убит.

– Убит?! – воскликнул я, – Об этом не может быть и речи! Всего несколько часов назад я получил письмо из дому. Родные сообщили бы мне, случись *такое!*

Однако Герард продолжал настаивать, что в свершившемся не может быть никаких сомнений, а впоследствии я услышал, что убийство было совершено в тот самый день, когда он уверял меня, что оно произошло».

С помощью Божественного света он зачастую проникал в сердечные тайны. Даже вдалеке от своих руководителей он зачастую узнавал об их невысказанных мыслях, когда они имели отношение к его поведению. Этот чудесный дар вновь и вновь проявлялся на протяжении его жизни. Впервые он был обнаружен его ректором, о. Фиокки, следующим образом. Она направил дивного сего монаха с какими-то бумагами в Лачедонью. Герард уже прошёл какую-то часть пути, когда о. Фиокки вспомнил, что упустил упомянуть в своём письме кое-что важное.

– Как жаль – подумал он, – что нельзя вернуть брата Герарда назад!

Этого волеизъявления руководителя, пускай лишь в форме мысли, оказалось достаточно для нашего святого. Всемогущий Бог изволил таинственным образом

донести её до Своего слуги, который немедленно обратил путь вспять. Когда он вернулся в обитель, о. Фиокки с удивлением спросил, что заставило его прийти назад так скоро. Святой Герард не ответил ничего, а лишь улыбнулся, дав тем ректору понять, что он послушался его сокровенного пожелания.

С тех пор, когда о. Фиокки намеревался отдать распоряжению Герарду, а того не оказывалось в тот миг рядом, он молча приказывал ему в своих мыслях. Этого было достаточно. Он всегда слушался, словно ему приказывали вслух.

Как-то раз отец-ректор беседовал в Мельфи с местным епископом о необычайной святости, которую проявлял Герард. Епископ слышал о святом монахе и давно горел желанием познакомиться с ним. И вот, он сказал, что охотно послал бы нарочно гонца, чтобы пригласить его к себе во дворец.

– В этом нет надобности, – ответил о. Фиокки, – Мне нужно лишь мысленно приказать ему прийти, и он вскоре будет здесь. Так Ваше Преосвященство увидит, как далеко простирается его послушание и как велико благоволение Всемогущего Бога к нему.

В тот же миг в монастыре, вдалеке от того места, Герард внезапно уразумел, что отец-ректор желает, чтобы он явился. Тогда, получив необходимое дозволение и объяснив причины своего похода заместителю настоятеля обители, он отправился в Мельфи. Прибыв в епископский дворец, он обнаружил отца-ректора вместе с епископом. О. Фиокки притворился, что недоволен его приходом, и сурово спросил, что привело его.

– Пожелание Вашего Преподобия, – простодушно ответил Герард.

– Что?! – воскликнул о. Фиокки, – Моё пожелание?! Я ничего не писал тебе и не посылал к тебе никакого гонца!

– Тем не менее, – последовал ответ, – Ваше Преподобие, вы изволили дать мне недвусмысленное повеление прийти к вам. Епископ желал поговорить со мной. Увы! Кто я такой, чтобы со мной говорить! Я всего лишь червь земной, грешник, несчастный, безмерно нуждающийся в милости Божией.

При обычных обстоятельствах светские братья у редемптористов и шагу не ступают за стены обители, кроме тех стран, где эти братья сопровождают отцов в миссиях, чтобы вести их хозяйство, где они располагаются на постой. Однако святой Герард был исключением из обычного правила.

Бог призвал его к вершинам созерцания и наполнил его душу вышним познанием глубочайших тайн нашего святого вероучения. Он был наделён пророческим духом. Часто будущее открывалось его взору подобно развёрнутому свитку. Его молитвы никогда не встречали отказа, даже в том, что казалось невозможным. Он творил чудеса исцеления так же непринуждённо и с таким отсутствием пафоса, как прочие исполняют свои обыденные обязанности. Впрочем, все эти благодатные дары Божии не предназначались для того, чтобы хранить их в платке (*ср. Лк. 19:20*). Они были вверены ему скорее ради других, нежели ради него самого. Ему суждено было играть роль маяка, возвещающего о близости Бога моряку, вверженному в пучину житейского океана и сотрясаемому его бурей, и посреди шторма – о достижимости незримой гавани вечного покоя.

Божий Промысел устроил так, что святой Герард до конца своих дней был обременяем людскими заботами. Обитель в Иличето оказалась в такой бедности, что стало совершенно необходимо обратиться за помощью извне, а то иначе общине пришлось бы совершенно покинуть её либо подвергнуться опасности умереть от голода.

В этих отчаянных обстоятельствах руководителям пришлось послать Герарда «на поиски» средств для поддержки монастыря, что означало просить милостыню. Люди встречали его повсюду с распахнутыми объятьями. Куда бы он ни приходил, всюду его ждал самый тёплый приём. Люди, чьи дома посещал Герард, чувствовали, что вместе с ним приходит и благословение, чтобы почтить там, где он пребывал, словно от присутствия Св. Тайн; благословение мира Божия, которое даже после его телесного ухода оставалось с верными душами, откликнувшимися на призыв (*ср. Мф. 10:13*) о благодеянии во имя любви Христовой.

Более того, его приход возбудил в участливых южанах такое волнение, что главная трудность оказалась в том, чтобы удержать их щедрость в должных пределах. Женщины пытались вручать ему свои серьги. Мужчины, у которых ничего не оставалось, порывались срезать даже пуговицы (нередко весьма дорогие в Италии) со своих костюмов, дабы дать Господу и слуге Его хоть что-нибудь ценное. Когда он проходил мимо, люди становились на колени, испрашивая его благословения, и кричали друг другу: «Святой! Святой идёт! Вон святой!»

Однако глубочайшее смирение брата Герарда никогда не оставляло его. Людские восхваления не трогали его, и всё своё упование он возлагал едино на Господа своего. Ни малейшей тени гордыни не позволял он омрачить блистания своей добродетели; никакому порыву самодовольства не было дано помутить ясности его по-детски чистого духа. Благодаря свету разумения, данному ему свыше, он никогда не упускал из виду своего собственного ничтожества. Сознывая, сколь обильно Бог излил Свои дары на его душу, он дивился своей, как ему казалось, подлой неблагодарности. Подобно св. Франциску Ассизскому он считал себя самым последним и меньшим из людей, и находил умиротворение в самоуничужении.

Deposuit potentes de sede, et exaltavit humiles.

Esurientes implevit bonis, et divites dimisit inanes.

Низложил сильных с престолов, и вознес смиренных;

Ачущих исполнил благ, и богатыщихся отпустил ни с чем.

(Лк. 1:52-53)

ГЛАВА VI. ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РАЗНЫМ МЕСТАМ

Через несколько лет после блаженной кончины святого Герарда один светский брат, принадлежавший к какому-то нищенствующему ордену, «искал средства» для своего монастыря. Однажды, обходя область в сопровождении двух местных священников, он заглянул в дом к одной почти слепой старице. В ответ на её вопрос о том, кто её посетители и какова цель их прихода, один из

священников сказал, что здесь один монах, просящий подаяние на поддержку своего монастыря. Едва услышав сие, старушка тут же подхватила и, со всей возможной для неё быстротой пересекши комнату, воскликнула:

– О дорогой брат Герард, позвольте мне, умоляю, поцеловать вам руку!

Ошеломлённый монах, естественно, вынужден был объяснить. Его приняли за другого. Брат Герард довольно давно умер.

– Брат Герард умер! Брат Герард умер! – возопила старица в смятении, – Ох... он был взаправду великим святым!

Затем она поведала, как сей святой слуга Божий однажды навестил её дом во время голода. В утешение он предсказал, что ей хватит одной мерки муки, хранящейся у неё в кладовке, на потребу всего её семейства аж до следующего урожая. Обещание его исполнилось в точности. Несмотря на все законы человеческой природы, мука, лишь понемножку убывая, сохранилась до наступления сытой поры. Так в очередной раз стало явственно, что невозможное человекам возможно Богу (*Лк. 18:27*). И запаса этого вполне хватило не только на нужды целого семейства и нескольких работников заодно, но после удовлетворения всяческой нужды ещё и осталось сверх того. Хозяйка вспомнила, что ей удалось продать излишки. Так что теперь она охотно с благодарностью дала щедрую милостыню в память о святом, оказавшимся столь великим благодетелем для неё.

Если всего лишь воспоминание о Герарде пробуждало после его смерти милосердие в сердцах, легко представить, каково воздействие он оказывал при жизни. Куда бы он ни являлся, всюду завоёвывал людскую любовь и доверие своей сердечностью и дивными чудотворениями. При этом он часто приобретал для Бога великих грешников тем, что к их изумлению открывал тайны прошлого, неведомые, как они чаяли, ни единому смертному.

Вскоре после пострига он вновь прибыл в свой родной город Муро, чтобы просить подаяние для своего монастыря. Там он остановился у некоего Александра Пикколо – часовщика ремеслом. Однажды какой-то приступ свалил его сына на улице. Он был оглушён падением, и его принесли в соседский дом в бессознательном состоянии. Все думали, что парню суждено умереть. Сколь громки были горестные крики, сотрясавшие воздух! Однако стоило явиться в поле зрения святому Герарду, как всё переменялось. Спокойно сказав, что всё обойдётся, он преклонил колени и перекрестил юноше лоб, а тот на виду у всех без промедления и затруднения поднялся с полу, под громкие благодарственные восклицания изумлённой толпы вновь обретя совершеннейшее здравие и силы.

Однако в свете веры куда более чудесным, чем любое телесное исцеление, представляется обращение души к Богу. Жил в Муро один нотариус по имени Пьетро де Рубертис, виновный в человекоубийстве, известном единому лишь Богу. У него в саду росла особенно замечательная вишня. Чтобы устеречь её, он самолично нёс караул при ней. И вот, застигнув однажды вечером вора в саду, он отпустил его, пригрозив суровой расправой в случае повторного покушения на кражу. Однако вскоре он снова поймал того же человека. И опять удержал свой гнев. Но когда, осмелев от безнаказанности, вор опять возвратился, Де Рубертис не сумел этого более снести. В ярости – уж неизвестно, насколько случайно или

намеренно – он нанёс ему удар, повлекший роковые последствия, после чего закопал мёртвое тело в саду. Поскольку трагедия совершилась ночью, пропавшего человека так и не нашли, а убийца не попал в руки правосудия. Он хранил эту жуткую тайну под замком в самом дальнем уголке своего сердца. От Бога он не мог её укрыть, но проявил изрядно безумия, утаив её от священника Божия прямо на святом судилище покаяния. Год за годом он лгал на исповеди, живя в ужасном состоянии святотатства, пока Бог по великой милости Своей не устроил ему встречу со святым Герардом. Блаженный инок пристально взглянул на несчастного и без обиняков молвил:

– Сударь, ваша совесть поистине в плачевном состоянии. Вам нужно полностью заново исповедаться, начиная с того, как вы убили того человека под вишней и закопали его в своём саду. Вы так и не признались в этом на исповеди.

Виновник был поражён словно громом. Вернувшись домой, он во всём признался жене, а она поведала о том после его смерти. Ну а душа его спаслась благодаря святому. Ведь он поспешил приступить к исповеди добросовестно и не смел более святотатственно попирать таинства. В искреннем сокрушении он поторопился принести искреннее покаяние и вновь таким образом обрёл мир душевный, коего не имел столь много лет и которого бы он со всей вероятностью не вернул бы снова без милосердного участия брата Герарда.

За три года слуга Божий раз за разом исходил Королевство Неапольское вдоль и поперёк, всюду убеждая закоренелых грешников оставлять пороки и вести добродетельную жизнь. Мы можем только привести здесь две-три истории о чудесах, украшавших эти его путешествия своеобразным очарованием. Святой Герард глубоко проникся истинным францисканским духом, и видно, что он подобно св. Франциску и св. Антонию частенько призывал на помощь себе «братьев наших меньших», которые при необходимости предотвратить грех или преподать глубокий духовный урок по его велению как будто приобретали на миг дар разума.

Однажды он заметил, что лошадь, на которой он ехал (ведь по обыкновению того времени он путешествовал верхом в седле), потеряла подковы. Тогда он направился к ближайшему кузнецу и попросил подковать её. Выполнив задание, мастер затребовал непомерную сумму. А ведь Герард дал обет бедности, и деньги, спрошенные с него, не принадлежали ему. Кроме того, он пожелал преподать тому человеку хороший урок. Поэтому он нарочно повелел лошади скинуть подковы, чтобы платить было не за что. Животное прянуло, взбрыкнуло, и вот: подковы упали наземь. Кузнец ошарашенно онемел. Но спустя несколько мгновений, увидев, как святой Герард отъезжает прочь на своей неподкованной кобылке и вот-вот скроется вдали, он громко окликнул его:

– Герард, Герард, вернись, пожалуйста, на минутку!

Но брата Герарда было уже не вернуть. Он спокойно следовал своим путём.

Слуге Божию достаточно было кликнуть птичек, и они слетались, порхали вокруг него да садились ему на ладонь. Рассказывают, что юный племянник одного священника, которого звали дон Сальваторе, получил как-то в подарок птицу и держал её у себя в комнате в клетке. Герард, сжалившись над нею, заточённой в противоестественной неволе, отворил клетку и позволил осчастливленной птахе

вылететь. Но поскольку ребёнок горько расплакался о потере своего любимца, Герард подошёл к окну и прокричал:

– Вернись, птичка, вернись! Малыш плачет. Ты нужна ему!

Маленькое создание, послушное зову Герарда, прилетело обратно, и он возвратил его владельцу.

В другой раз, по дороге в Корато святой встретил мелкого земледельца, оказавшегося в великом бедствии. Полевые мыши уничтожили весь урожай с его участка, от которого полностью зависел прокорм его семейства. Нежное сердце святого исполнилось сострадания к печальным обстоятельствам этих бедняков. Поэтому он спросил земледельца, как ему предпочтительнее: чтобы мыши померли или ушли прочь?

– Пускай они перемрут! – последовал без единого сомнения решительный ответ.

– Отлично, – согласился Герард.

Затем он поднял руку и осенил поле крестным знаменем. В тот же самый миг его поверхность покрылась мёртвыми и умирающими мышами. Изумлённый этим поразительным зрелищем, наш земледелец вне себя от восторга, со всех ног помчался в Корато, разглашая повсюду, что скоро в этот городок явится великий святой.

Расскажем-ка теперь о чуде иного рода. Как-то раз блаженный инок зашёл в незнакомый дом и попросил чего-нибудь поесть. «Молю, – сказал он, – о сем как о милостыне ради любви Божией!» У бедной женщины, к которой была обращена эта просьба, не сыскалось во всём доме и кусочка хлеба. Как а вдова, о которой рассказывается в Писании (*3 Цар. 17:12*), она располагала лишь пригоршней муки, которую она только что принесла с мельницы. Поэтому она сказала святому Герарду, что, не имея ничего для себя, он не может и подать ничего.

– Да?! Ничего? А в том ларе-то у тебя полно хлеба!

– Он пуст, – заверила женщина, – Во всём доме и кусочка хлеба не сыщется!

Однако Герард убедил её сначала поднять крышку. Места для сомнения не оставалось: ларь и в самом деле был полон превосходного хлеба!

Завершим главу переданным нам причудливым рассказом о знаменитом обращении, коего добился наш святой. После похода на сбор подаяния он возвращался домой в Иличето. Плащ его был испачкан; ряса стара и коротка; шляпа была впору пугалу. Итак, его внешний вид показался одному юноше, который случайно попался ему по дороге, достаточно зловещим. Его ум внезапно озарила мысль, что Герард не кто иной, как бродячий цыган. Он сам недавно мечтал о том, как бы разжиться золотом да серебром, и тут ему пришло в голову, что встречный является последователем Тайной Науки и ищет клады.

– Ох, если бы я только мог проведать его секреты, – подумал он украдкой, – тогда бы удалось и часть сокровищ у него перехватить.

И он без обиняков пристал к Герарду.

– Сударь, вы, надо полагать, – спросил он напрямик, – чародей?

– Надо полагать?! А кем бы я ещё мог быть! – сходу ответил Герард.

Тогда, благодаря этому уклончивому ответу утвердившись в своём нелепом заблуждении, юноша смело высказал свою просьбу.

– Если вы ищите клад, – сказал он, – я бы с превеликой охотой оказал бы вам помощь. Позвольте предложить вам мои услуги!

– Однако, – полюбопытствовал Герард, – кроме этого достаточно ли вы храбры?

– Вы даже представить себе не можете! – с готовностью ответил незнакомец, и затем последовал печальный рассказ о его греховной жизни, завершённый клятвой, что минуло уже шесть полных лет, как сей несчастный не приступал к таинствам.

– Да-да, – подтвердил Герард, – так вы несомненно самый что ни на есть подходящий человек, для какого я немедля с охотностью сыщу сокровище. Только повторяйте за мною, и сокровище – ваше!

Итак, они продолжили путь вместе, занятые беседой, пока наконец не добрались до леса, густо заросшего кустарником. Герард вступил в него первым, и его спутник, преисполненный сдерживаемого волнения, подумал, что сейчас его чаяния вот-вот осуществляются. Когда они в итоге пробрались в глубь труднопроходимых зарослей, иннок стянул с себя плащ, медленно и завораживающе расстелил его на земле и поманил своего нового друга, чтобы тот подошёл. Юноша задрожал и затрепетал от страха. Каждая тень, отбрасываемая деревом, казалась живым существом; каждое мгновение он ожидал узреть явление Князя тьмы. Герард понял, что удобный момент настал. Внезапно он извлёк своё распятое и, держа его перед глазами поражённого парня, мягко молвил:

– Да! Я обещал тебе Сокровище. Вот оно, гляди! Всем сокровищам сокровище! То Сокровище, что ты так безумно променял на гроши греха!

Час благодати пробил. Бедный юноша был задет за живое. Он горько разрыдался. Герард, увидев, что он проникся скорбью о тех оскорблениях, что нанёс нашему Преблаженному Господу, нежно прижал его к сердцу. Затем он привёл его к себе в монастырь, где продержал его несколько дней и убедил его примириться с Богом, совершив добросовестную исповедь в былых злодеяниях.

Вот уж настоящий чародей!

ГЛАВА VII. МОНТЕ-ГАРГАНО

Однажды на Пасху студенты-редемптористы, изучавшие в Иличето богословие под руководством знаменитого о. Де Мео, возымели великое желание посетить священную пещеру горы Монте-Гаргано. Монте-Гаргано – широко известное святилище, где славный св. Михаил много веков назад объявил, что место сие волею Божией избрано, дабы воздавать там особое почитание оному архангелу и всем ангельским силам небесным.

Отец-ректор уступил просьбе разрешить паломничество к сей почитаемой горе и назначил святого Герарда распоряжаться всем и руководить группой в целом – ведь о. Фиокки помнил, что наш святой всю жизнь благоговейно чтит великого

Архангела. И в самом деле, сердце блаженного инокa преисполнилось ликования при мысли о возможности поучаствовать в общем богослужении в честь того, чьей любящей опеке он был обязан тем чудом о святом причастии, что случилось с ним в детстве.

Этот знаменитый поход на Монте-Гаргано стал непрерывной цепочкой знамений и даров Божиих. Всего паломников насчитывалось двенадцать человек: десятеро студентов, о. Де Мео и святой Герард. Путешествие туда и обратно в тогдашние времена не могло занять меньше недели. Чтобы обеспечить все земные нужды путешественников, им потребовалась бы огромная сумма. Но в то время были на земле исполины (ср. *Быт. 6:4*)! Братия Иличето была бедна мирскими благами, однако богата тем достоянием, что имела в рядах своих великого святого. Начальствующие уверенно полагались на благоразумие и братскую любовь святого Герарда, но прежде всего – на его дерзновение к Богу. События подтвердили, что опирались они не на трость надломленную (*Ис. 36:6*).

Когда, ещё не пустившись в дорогу, студенты в полном смятении напомнили назначенному им вожатому о скудости имеющихся у них средств, он сказал лишь: – Бог усмотрит (ср. *Быт. 22:8*).

Таков был всегдашний девиз святых. И своему неизменному упованию на благой Промысл нашего небесного Отца они обязаны чудесными ответами на свои молитвы. Ведь вера горы переставляет. Если бы и мы веровали и доверяли Богу, как святые, мы и услышаны бы были свыше, как они, и были бы всемогущи Богом.

Первый свой привал маленькая ватага сделала в Фодже. Как раз там св. Альфонс, проповедуя когда-то перед собравшейся конгрегацией, дважды в разное время был восхищаем духом в экстазе перед чудесным образом Препоблагословенной Девы, окружённой сиянием: лучи от лика Владычицы упали на него и сверхъестественным образом подняли его в воздух. Эти необычайные события были засвидетельствованы сотнями людей и в ту пору передавались из уст в уста. Поэтому без особого труда можно представить, с каким благоговением молодые редемптористы проявляли своё сыновнее почтение к великой Матери Божией в том самом святилище, где Она столь явственным образом подтвердила святому Основателю их ордена Свою материнскую любовь.

Во время их краткого пребывания в Фодже одна инокиня из монастыря Благовещения выразила желание поговорить со святым Герардом об своей душевной заботе. Велико же было её удивление, когда блаженный инок сказал ей, что скоро она будет призвана явиться пред судебным престолом Божиим! Ведь она была довольно молода и совершенно здорова. Однако через четыре месяца её не стало.

С начала путешествия пожитки паломников были погружены на двух ослов и вверены присмотру одного местного отшельника, присоединившегося к походу. Однако по прошествии первой ночи Герард, увидев, что юные студенты изрядно устали за прошедший день во время долгого пути, и слушая лишь голос своего нежного сердца, решил нанять повозку.

– Чем мы заплатим за это? – спросили они.

– Бог усмотрит, – только и молвил в ответ святой.

Итак, он нанял повозку и пару лошадей в придачу. Несчастные ослики под присмотром своего погонщика понуро тянулись позади, поспевая сколько было сил. Остановившись на первый привал, чтобы подкрепиться, путники были вынуждены несколько часов дожидаться поклажи и отшельника. Наконец бедолага прибыл, совершенно запыхавшийся и покрытый пылью. Герард распорядился покормить его, в чём он очевидно крайне нуждался, и дал знак снова отправляться. Но тут наш отшельник проявил непокорство. Он заявил, что животные замертво свалятся на обочину. Им нельзя и шагу лишнего ступить до завтра.

– Они не останутся здесь, – сказал Герард, – Я обо всём позабочусь.

Отшельнику ничего не оставалось, как подобру-поздорову уступить. Несмотря на своё нежелание ехать дальше, он взобрался на одного из ослов, а на второго Герард велел сесть сыну владельца повозки. И вот, ишаков, нагруженных таким образом, по приказанию святого поставили впереди повозки, а сам он, усевшись на козлы, подстегнул животных кнутом и крикнул:

– Во имя Пресвятой Троицы повелеваю вам – давайте вперёд!

Ещё мгновение назад ослы были совершенно изнурены, но теперь у них откуда-то берутся новые силы. Они резво бегут по дороге, пускаясь вскачь, когда скачут запряжённые в повозку лошади, переходя на спокойный шаг, когда те замедляются, и больше нисколько не задерживают путешественников! Так славно прошло путешествие до новой остановки на пути в местечке, называвшемся Манфредония.

Здесь было нужно расплатиться за повозку. Когда по счёту было уплачено, в кошельке осталось всего несколько грошей. Однако даже в этих довольно стеснённых обстоятельствах ничто не могло удержать Герарда от покупки одного из прелестных цветочных букетов, выставленных на продажу на рынке, который он вознамерился преподнести нашему Господу во Святых Тайнах. Затем он пошёл прямо в церковь, поднялся по ступеням алтаря, возложил букет перед дарохранительницей, стал на колени и простодушно молвил:

– О Господи, Ты же видишь, что я подумал о Тебе. Теперь Твоя очередь подумать обо мне.

И случилось так, что как раз в этот миг заместитель настоятеля вошёл в церковь. Он всё увидел и услышал. Подумав, что это может быть какой-то великий слуга Божий, священник подошёл к нему и предложил ему приют у себя дома.

– Да воздаст вам Бог, – отозвался Герард, – да вот только у меня большая компания!

– Неважно! – последовал ответ, – Я охотно приглашаю вас всех. Всех вас ждёт одинаковый приём, насколько в моих силах будет его предоставить. К несчастью, моя бедная матушка последние пару месяцев хворает, так что она не сможет позаботиться о вас так, как ей хотелось бы.

– Это совсем нетрудно поправить! – заявил Герард, – Всё, что вам нужно сделать, это пойти домой, осенить крестным знаменем лоб вашей матушки и, поверьте мне, она немедля исцелится.

Вера порождает веру. Священник исполнил просьбу, и его мать вмиг поправилась. Так святые расплачиваются за оказанные им благодеяния!

Священник со своей стороны не оказался неблагодарен за дарованную ему милость. Он уделил Герарду денежное пожертвование, дабы покрыть расходы на остаток дороги и, проводив паломников, пожелал им доброго пути.

Наконец они добрались до Монте-Гаргано. Здесь они с радостью вознесли свои молитвы великому архангелу, однако в итоге по причине утомления, вызванного подъёмом на священную гору, естество их потребовало отдыха и подкрепления. Где же Герард? Его давно никто не видел. Внезапно они находят его: он восхищен духом, лицо его обращено к небесам, взор сосредоточен, словно бы он мирно созерцает нечто невидимое ни для кого, кроме него одного; тело его неподвижно наподобие изваяния. Какое-то время его не удаётся привести в чувство. Наконец он медленно пришёл в себя, словно бы пробудившись от глубокого сна. Когда он увидел себя в окружении спутников, его смирение было смущено. Совершенно растерявшись, он поторопился оправдаться:

– Это пустяки. Это пустяки. Давайте-ка подумаем, где раздобыть еды!

Ибо он даже вырывался из объятий Божиих, дабы позаботиться о телесных нуждах ближних.

Ту ночь они провели в одной гостинице близ священного грота. Утро было посвящено богослужениям. Но на следующий день возникла новая трудность. Их средства опять подходили к концу. Деньги, коими их столь щедро снабдил любезный священник, почти совсем вышли. Удастся ли им хоть ещё разок пообедать? Герард повелел им сесть и не суетиться, ибо Бог несомненно усмотрит что им делать. Через несколько мгновений – а то был постный день – перед ними был накрыт стол и подано превосходное рыбное кушанье. Откуда эти яства взялись? С немалым волнением они попытались выяснить. Герард же оставался спокоен. Спросили отшельника, занимавшегося их хозяйством. Тот сказал в ответ, что прошедшей ночью святой, проведая, что средства их подходят к концу, стал на колени перед алтарём Архангела, и тут к нему внезапно подошёл незнакомец и вложил ему в ладони свёрток денег со словами:

– Возьмите это, молитесь за меня и, прошу, любите Бога всё крепче и крепче!

И вот пришла пора задуматься об обратном пути. Когда они запросили счёт, гостиничник закатил им непомерную сумму. Герард же не собирался выплачивать её. А спокойно сказал:

– Если ты не удовлетворишься тем, что по-настоящему причитается тебе, то потеряешь всех своих мулов.

В тот самый миг в гостиницу вбежал хозяйский сын.

– Идём, папенька, идём поскорее! – кричал он, – Я не могу понять, что творится с мулами! Они так страшно катаются по земле... Пойдём поскорей!

Тут-то гостиничник понял, что имеет дело со святым. Поражённый ужасом, он пал в ноги слуге Божию, умоляя о прощении.

– Я охотно прощаю тебя, – сказал Герард, – однако не забывай никогда, что Бог на стороне Своих бедняков. Худо тебе будет, если ещё когда попытаешься обмануть их!

Затем Герард настоял на том, чтобы хозяин принял по-настоящему причитающуюся сумму, и покинул дом, однако перед тем, как уйти со двора, он перекрестил несчастных мулов, и они немедленно подали признаки выздоровления.

У подножия горы молодые студенты пожаловались, что их снедает жгучая жажда.

– Терпение! – воскликнул Герард, – Помните: чуть дальше – колодец.

Но по прибытии к столь долгожданному месту они со смятением обнаружили, что кто-то забрал верёвку, на которой опускалось ведро. Они могли с танталовыми муками пожирать глазами, но только глазами прохладную воду, соблазнительно поблёскивавшую глубоко внизу вне их досягаемости. Владелец участка извлекал пользу из невыносимой жажды, томившей путешественников, взимая с них плату даже за те блага, которые Бог даром раздаёт Своим чадам. Святой Герард увещевал сего алчного человека не быть таким жестокосердным и не отказывать бедным паломникам в средстве утоления жажды. Всё, однако, было тщетно. Герард вновь и вновь повторял доводы лишь для того, чтобы повторно получить отказ. В итоге слуга Божий прекратил мольбы.

– Коли ты, – сказал он с тоном угрозы, – отказываешь в чаше воды ближнему, коего обязан любить, как самого себя, то вскоре и колодец сей в свою очередь откажется снабдить тебя по потребности.

С этими словами Герард повернулся, чтобы уйти, но едва он отдалился, как несчастный вдруг побежал за ним, умоляя ради Бога вернуться без промедления. «Ведь это, – причитал он, – единственный колодец в округе! Что станется с ним! Что станется со всеми соседями!» Оказалось, что пока Герард ещё говорил, вода, послушная его голосу, стала постепенно убывать, и теперь колодец был совершенно пуст. Вот что вызвало испуг владельца.

– Вернитесь, вернитесь все, заклинаю вас! – восклицал он, – Вам будет вдоволь воды; вам и вашим животным!

Хотя спутники Герарда уже привыкли к его чудотворениям, они едва поверили своим ушам. Поспешно вернувшись, они перегнулись через край колодца, и вот: там, где несколько минут назад в лучах солнца сверкала вода, теперь виднелись сухие камни. Тогда они обратились к святому и попросили его вновь прибегнуть к своей власти и дать им возможность как-нибудь утолить свою палящую жажду. И у них на глазах вода немедля вновь явилась, бурля, постепенно поднялась и остановилась не ранее, чем по наполнении колодца до того уровня, какой был до её пропажи.

– Умоляю вас, – высказал Герард дружеское предупреждение собственнику, который, верно исполняя данное слово, поспешил дать паломникам утолить жажду, – Умоляю вас никогда и никому более не отказывать в том, что по праву принадлежит всем в мире. Иначе же к собственному вашему ущербу Бог вновь лишит вас того, что принадлежит вам.

Итак, все они утолили тогда жажду, а с того дня, говорят, такое безобразие более никогда не повторялось. В воде из колодца никому из прохожих никогда более не было отказа – по крайней мере, в течение жизни того, кого святой Герард научил блюсти долг любви к ближнему в проповеди более красноречивой, чем могла бы прозвучать с любой кафедры.

По пути домой паломники не только ещё раз посетили Богоматерь Фоджийскую, но наведались также в одну часовенку, что находилась в уединённой роще и была посвящена Увенчанию Марии. Здесь святой Герард снова вошёл в состояние экстаза. Его спутники должны были уже к этому времени привыкнуть к таковому зрелищу, но всё же один из них невзначай спросил святого, когда тот пришёл в себя, что с ним творилось во время оцепенения.

– Ой, да это пустяки! – последовал смиренный ответ, – Это всего лишь слабость, которой я подвержен!

Так завершилось знаменитое паломничество на Монте-Гаргано, паломничество, совершенно незабвенное для его участников. Среди них был молодой человек по имени Пьерпаоло Блазуччи, брат юного послушника Доменико Блазуччи, чьё житие написал св. Альфонс и кто, не растратив изначальной ревности веры, умер в благоухании великой святости за несколько месяцев до того. Пьерпаоло к тому времени всего лишь год как принёс монашеские обеты, однако святой Герард по дороге поведал ему, что настанет день, и его изберут Генеральным настоятелем Конгрегации Святейшего Искупителя. Это пророчество исполнилось сорок лет спустя, когда в 1793 году Генеральный капитул избрал о. Блазуччи руководителем конгрегации, основанной св. Альфонсом.

Паломничество на Монте-Гаргано продлилось девять дней, а когда маленькая ватага вернулась домой, кошелек её был полнее, чем перед началом их благочестивого путешествия.

Упование на Промысел Божий – это вклад, который никогда не обесценится; колодец, что никогда не иссохнет.

ГЛАВА VIII. ЕГО ВЫХОДЫ В МИР

Из-за сверхъестественных даров святого Герарда и широкой молве о его святости начальство его часто засыпали просьбами позволить ему иной раз навестить друзей Конгрегации в разных городах и селениях. Эти посещения, как мы уже отмечали, шли вразрез со всеми обычаями. Но всякий закон предусматривает неизбежные исключения. Так и в этом случае, после значительных затруднений, возникших вначале, желанное разрешение было в итоге охотно дано. С одной стороны, просители во многих случаях занимали такое положение, что трудно было постоянно отказывать им; с другой, даже строжайший настоятель не мог бы взять на себя ответственность за удержание брата Герарда в монастырских стенах, когда дело спасения душ людских за пределами оных, казалось, вопияло о необходимости его присутствия среди них.

Воистину не будет преувеличением сказать, что Герард освящал всякое место, куда он являлся. Его приходы были для людей своего рода миссиями. Тот дом, который добивался почётногo права приютить его, ежедневно подвергался осаде людей всех общественных классов. В любое время можно было наблюдать, как

вокруг него собираются толпы, жадно ловя всякое слово, слетающее с его уст. Таково – как мы снова и снова обнаруживаем в анналах истории Церкви – таинственное, магнетическое притяжение, с каковым святые Божии действуют на души людские.

Это может прозвучать странно, но не только миряне, но и священники, да даже и епископы соперничали друг с другом, стремясь поговорить с этим убогим светским братом. Святой Герард часто помогал советом как в личных затруднениях, отягчающих совесть отдельных людей, так и в глубоких вопросах догматического богословия. Никому из тех, кто искал его помощи, он не отказывал в мудром, ясном и всегда предельно практичном совете. О самых возвышенных тайнах нашего святого вероучения он говорил с неким вдохновением, ибо поистине был человеком, исполненным веры и Святого Духа. Кроме того он в изобилии обладал даром, известным как «вложенное знание».

Те, кто слушал пылающие слова этого бедного инок, невежественного в мирской науке, но столь глубоко постигшего мудрость, нисходящую с небес, только и могли что прославлять Бога, скрывшего Свои святые тайны от мудрых и разумных (*ср. Мф. 11:25*), дабы их познали те, кто чист и прост сердцем. Не могло возникнуть сомнений в великой святости Герарда ни у кого из тех, кто на опыте узнал его неземные пути и небесные дарования. Казалось, он живёт в атмосфере чудесного. Сам воздух, которым он дышал, словно бы благоухал сверхъестественностью. Даже люди крепкие трепетали, сражённые мистическим ужасом от близости всем известного Духа Божия, когда Герард заглядывал в самые потайные уголки их сердец. Неоднократно по итогам становилось известно, что будущее представало его просветлённому взору точно настоящее. А творить чудеса из любви к подобным ему созданиям, из сердечного сострадания к ним, подвергающимся многообразным испытаниям и горестям, было для него словно бы хлебом насущным.

И всё же воображение людей поражало не столько таковое богатое обилие Божиих даров, не так сильно оно затрагивало самые возвышенные и благородные чувства их, как проявления хриstopодобных добродетелей, наградой за кои сии дары являлись. Посланец сатаны способен принимать вид ангела света (*ср. 2 Кор. 11:14*) и даже может подделывать чудеса святых, но смирение, кротость, добровольную бедность, любовь, миролюбие – в их происхождении сомневаться не приходится, и сии добродетели, исполняемые в героической степени, очевидно являлись дарами благодати, украшавшими дивную душу Герарда. Милый Богу и людям, он всех покорял своей нежной властью, обращая многих к Иисусу Христу, своему Наставнику.

Корато, его родной Муро, Кастельгранде, Мельфи – вот места, где его пребывание явно принесло наиболее долговременные результаты. Эти городки согласно достоверным свидетельствам совершенно переменялись внутри благодаря ему.

Во время первого прихода Герарда в Корато Богу было угодно явить очевидное знамение того, что Он пребывает со слугой Своим. Его руководители договорились о том, что он разместится в доме у некоего господина по имени Папалео. Поскольку святой никогда раньше не бывал в Корато, то у него не было ни малейшего представления, где его гостеприимец живёт. Поэтому он отпустил

поводья и предался воле Промысла Божия. А верная лошадь спокойно продолжала путь до тех пор, пока не добралась до дома Папалео, а там и вступила во двор.

– Не подскажите, где живёт Папалео? – спросил Герард, заметив, что заехал в тупик.

– Э, братец, ты на месте! – получил он ответ. И, поблагодарив Бога, святой спешился.

В Кастельгранде его послали, чтобы положить конец ужасной междоусобице, возмущавшей весь город. За несколько лет до того в потасовке был убит молодой человек. Его родители затаили тёмную и смертельную ненависть к тому, кого считали убийцей своего сына. После двух бесед Герарду в итоге удалось убедить бедного отца пожертвовать своей жаждой отмщения и даже пообещать прилюдно примириться с человеком, что был повинен в смерти его чада.

Итак, преисполнившись благодарности к Богу за свой успех, Герард отправился по другому делу в Муро. Какою же горе и смятение должен был он испытать по возвращении через несколько дней, обнаружив, что в его отсутствие всё, чего он добился, пошло прахом. По всей видимости, теперь уже было бесполезно вмешиваться. Все перспективы примирения были погребены в пучине безнадёжности. Дела обстояли даже серьёзнее, чем перед его первым явлением на сцене этих событий.

Жена того человека, разъярённая новостью о том, что её муж пообещал простить их кровного врага, принесла ему обагрённую кровью одежду их убитого сына, тщательно хранимую ею. Затем в ужасном приступе смеси сожаления и гнева она, взывая ко всем воспоминаниям, какие вид этой крови мог пробудить у несчастного отца, спросила, неужто он так низко пал, чтобы подружиться с убийцей их бедного мальчика? «Да, – продолжила она, – погляди на эту кровь! Она всё ещё вопиет к небесам об отмщении! Том самом отмщении, которым, увы, так и не довелось упиться моему взору! Простить такого мерзавца?! Никогда, до конца моих дней!»

Эти дикие и злобные слова возымели своё действие. К своему огорчению Герард узнал, что сей человек пришёл в очах Божиих ещё в худшее состояние (*ср. Мк. 5:26*), чем прежде. Он ожесточённо противился любому возможному увещанию. Говорить с ним казалось совершенно бесполезно. Он не простит. Его гнев неукротим.

Но святому было всё-таки не так-то просто отказать. Он стал на колени перед оскорблёнными родителями, положил поле себя наземь своё распятие и спросил, готовы ли они попать раны своего Спасителя. Ведь именно так поступает те, кто не желает прощать. Однако всё, казалось, было тщетно. Сердца их были, конечно, тронуты, но сломить их сопротивление удалось только тогда, когда слуга Божий задел другую струну. Не принесут ли они свой отказ от мести в жертву за сына, которого так сильно любили? За облегчение мук его бедной души? «Бог, – уверял он их, – открыл мне свыше, что всенепременно примет это как приношение. Искренне простите убийцу и закажите затем пять месс за своего сыночка – этого будет достаточно, чтобы покрыть всё ещё остающийся на нём долг перед Божией справедливостью за прошлые грехи. Закрыв свои сердца

перед требованиями милости и христианского прощения, вы – его родители – одновременно упускаете из рук возможность помочь бедному мальчику, который, как мне известно, аж до сих пор в чистилище».

Этого оказалось достаточно. Победа в итоге была одержана. Отец и мать более не могли сопротивляться. Они великодушно исполнили всё, о чём их просили. Примирение между семействами убитого и убийцы благополучно состоялось; пострадавшие дали полное прощение тем, кто так жестоко провинился перед ними, и оба семейства навсегда завязали узы христианской дружбы, преподав величайший урок всему городу. Можно добавить, что это великое чудо милости – ибо так его правильно было бы назвать – было по Промыслу Божию совершено Святым Духом к славе святого Герарда в Кастельгранде – том самом, где в юности он из любви к презираемому Иисусу позволял мальчишкам дразнить себя дурачком прямо на улицах.

Возвратимся к мимолётному заезду Герарда в Муро. Наш Господь воспользовался этим посещением, дабы добиться спасения ещё одной души, которой грозил неминуемая опасность вечной гибели. В то время в Муро проживала женщина по имени Катерина Дзаккарди, жена местного ювелира. В течение нескольких лет находилась она во вражде с Богом. Несколько раз прежде Герард останавливался в её доме, но никогда ещё не заговаривал с нею о бедственном состоянии её души. Ведь грехи её были ведомы лишь ей самой да великому Исследователю сердец (*ср. Рим. 8:27*). Однако в этот приезд святой получил особое откровение о её тайных грехах и предстоящей смерти. Он не колебался ни мгновения. Отведя хозяйку в сторону, он молил её со всей серьёзностью незамедлительно совершить добросовестную исповедь и подготовиться к встрече со своим Высшим Судией, ибо её дни на земле сочтены. Он просил её помнить, что, если она не обнажит перед Врачом своей души грехов, кои она доселе прячет в уголках своей больной совести, она утратит возможность видеть Бога вовек. В то время, когда Бог по Своей благодати послал Катерине это торжественное предупреждение, она располагала совершенным здоровьем. Вскоре же после того её поразил опасный недуг. И в течение нескольких месяцев она умерла.

Святой Герард неоднократно посещал Мельфи и был уже хорошо известен в этом местечке, когда в 1753 году епископ призвал о. Фиокки возглавить общественное чтение новенны в кафедральном соборе. Как об особой любезности он попросил также, чтобы ректора сопровождал святой инок, пребывая с ним всё время, как будут длиться духовные упражнения.

О чудесных обращениях, совершённых святым Герардом в Мельфи, будущим поколениям остались многочисленные рассказы. Ведь по желанию епископа заботе слуги Божия вверяли любого особо закоренелого грешника. Он разговаривал с ними так убедительно и так мудро, что даже самые зачерствелые сердца сразу переменялись. Бог был с ним, и никто не мог воспротивиться могуществу слов, исходивших из уст его. После чего он приводил сих пленников любви к о. Фиокки, который, охотно выслушав их исповеди, примирял их с Господом нашим. Подобным образом он избавил нескольких тайных грешников из тенет сатаны благодаря сверхъестественному свету, дававшему ему возможность заглядывать даже в самые потаённые уголки души.

В 1843 году, через девяносто лет после его посещения Мельфи один глубокий старик, уже лет ста, смог дать комиссии, собиравшей сведения для беатификации брата Герарда, следующее свидетельство:

«Я был совсем ребёнком, – поведал он, – когда в Мельфи приехал Герард. Юнцам, что собиралась стайками около него, он неизменно напоминал о любви Божией, побуждая их в то же время к верности в исполнении своих духовных обязанностей. Обычно он заканчивал свои коротенькие рассуждения чем-нибудь вроде: «Ну, мы поняли друг друга, правда? Пора целиком ввериться благому Богу!» Затем он осенял нам чело крестным знаменем и раздавал иконки Богородицы Семи скорбей. Какой был подвижник..! Милостивый и добрый к беднякам, он постоянно лишал себя пищи, лишь бы только попотчевать нуждающихся. Однажды я увидел, как он снял даже башмаки свои и чулки, вручив их нищему. Но что в нём было всего замечательнее – это его ревность об обращении грешников».

Обращение грешников... Поистине, то было единственное страстью, снедавшей сердце святого Герарда.

ГЛАВА IX. ЕГО СЛУЖЕНИЕ БЛИЖНИМ В ГОДИНУ МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ

Возможно нигде в во всей Южной Италии Герарда не знали так хорошо и не ценили так высоко, как в городке Лачедонья. Именно здесь он целых три года служил суровому хозяину, чей крутой нрав подверг его добродетели столь жестокому испытанию. Здесь он пред взором людей и ангелов вёл жизнь, полную героической святости, даже до вступления в орден. Здесь находится «Герардов колодец», названный его именем в память о великом чуде с «Бамбино» (*Богомладенцем*), коим Бог вознаградил Герарда за веру его.

Поэтому когда бы слуге Божью ни доводилось навещать Лачедонью, обитатели встречали его с распостёртыми объятьями. Но теперь городок постигло жестокое бедствие. Паника и смятение совершенно завладели городом, когда немалое число обитателей его усмотрели в столь внезапном посещении кару Божью за вопиющий соблазн, бытовавший в их среде. Все как один затребовали к себе Герарда. Казалось, только он один может остановить гнев Божий.

Поэтому местный епископ выказал своё собственное и общенародное желание приезда блаженного инока, и в итоге руководители направили святого в Лачедонью. Светой Герард разместился там у образцового христианина по имени Константино Капуччи. Этот добрый человек и его семейство полнились воодушевления, наблюдая добродетели своего гостя; особенно их впечатлила воздержанность его жития, которую было никак не скрыть, и запредельная его любовь к ближним.

Ежедневно множество людей – священников и мирян – стекались к дому Капуччи, чтобы испросить совета у его святого постояльца. Всегда преисполненный отзывчивости, он был доступен для каждого. Времени для самого себя у него не оставалось. Единственным его желанием было служить ближним. Не было также недостатка в знамениях и чудесах. Бог прославил слугу Своего пред миром, дабы соделать сердца послушнее воле его.

Однажды Герард был вместе со своим гостеприимцем и группой его друзей в домашней картинной галерее. Внезапно он вошёл в состояние экстаза и поднялся над землёй на уровень полотна с изображением Пресвятой Богородицы, висевшего на стене. Зависнув сверхъестественным образом в воздухе на некоторое время, вне себя от любви, он громко воскликнул:

– Как Она прекрасна! Как прекрасна! Как прекрасна Мария!

Продолжая говорить, он восторженно покрывал картину поцелуями. Легко представить то благочестивое замешательство, которое он испытал, придя в себя и со смущением обнаружив, что изрядное собрание людей оказалось свидетелями Божиих милостей, коих он удостоился.

Первым исцелённым в Лачедонии был священник – каноник Сапоньеро. Он принял предсмертные таинства и врачи уже оставили попытки спасти его, когда святой Герард исторг его из пасти смерти. Сей достойный каноник самолично оставил запись о своём исцелении. Описав тяготы своего недуга, он продолжил:

«Я думал, что вот-вот предстану перед судом Божиим. Прослышав о приезде блаженного инока, я вверился его чудотворным молитвам. Так что для меня не было неожиданностью, когда он написал мне, что болезнь моя будет затяжной, и если я хочу поправиться, мне остаётся лишь целиком положиться на Бога. Итак, у меня оставалась надежда, и когда он на следующий день навестил меня, я воскликнул: «Хвала Господу!» Он ответил мне: «Возрадуйся, ты исцелён!» Затем он приблизился ко мне и осенил мой лоб крестным знаменем. И тут же я почувствовал себя совершенно здоровым. Я подскочил бы тот же миг, не повели он мне подождать до завтра. Слава Богу и слуге Его!»

Знаменем Святого Креста он исцелил и многих других. Так ему удалось вернуть здоровье юной девице, что звалась Леллой Коккиа, ставшей за несколько месяцев до того жертвой ужасной формы безумия.

Святой Герард знал Леллу издавна. Во время одного из его предыдущих приездов она приходила к нему, сокрушаемая безутешным горем, чтобы спросить о душе своей матери, чью недавнюю смерть она тогда оплакивала. Святой получил божественное озарение, благодаря коему смог сообщить ей, что её мать в чистилище, и спастись оттуда может, если дочь посвятит сорок литургий за её упокоение. Она исполнила его повеление, и по совершении литургий мать явилась ей, поблагодарила и сказала, что находится на пути к небесам.

Герард помнил всё это, и был весьма опечален, услышав о бедственном состоянии бедной девушки. Он направился прямо к ней домой. По прибытии он согласно со своим обычаем осенил Леллу крестным знаменем, и разум тут же возвратился к ней. Выздоровление было полным и окончательным.

Знаменья, подобные этим, по мере распространения о них молвы по городу весьма способствовали общей готовности внимать духовным увещаниям святого слуги Божия. Говаривали, что ему было довольно глянуть на какого-нибудь грешника, и тот был готов сделать всё, чтобы угодить ему. Вскоре облик города целиком переменялся. Соблазны исчезли. Всюду торжествовала благодать Божия. Упомянем здесь одно из самых замечательных обращений, коих в то время добился святой Герард.

В Лачедонье умирал один человек, чья совесть была обременена грехами. Стоя на пороге вечности, он отвергал одну за другой попытки священников, милосердно предлагавших ему принять утешение, даруемое церковным обрядом.

Весь город был поражён ужасом при виде его ожесточения. Когда больше ничего не помогало, к постели умирающего привели, наконец, Герарда. Едва бросив взгляд на больного, он немедленно пал на колени и, обратившись к Той, Которую все мы любим величать Надеждою отчаявшихся, громко прочёл одну «Богородицу». Затем встал и обратился теперь уж к бедному грешнику. Но благодать уже оказала своё святое действие. Облик Герарда, голос Герарда, а паче всего – молитва Герарда принесли в тот день итоговую победу. Сатана был изгнан и бежал с поля боя. Умирающий искренне попросил позвать священника и благополучно примирился с Вечным Судией.

Пока святой находился в Лачедонье, к нему из Бизаччи – городка, находившегося в непосредственной близости, – приносили многих болящих, дабы, коли Богу будет угодно, они исцелились от своих недугов. Но те из обитателей Бизаччи, коих одолевала зараза, не перенесли бы пути до Лачедоньи. Герард же по-матерински сердечно жалел больных и несчастных. Не мог он слушать о множестве страдальцев и оставаться равнодушным. Поэтому, уважив неоднократные просьбы, он пошёл в Бизаччу. Хотя он не мог там несколько промедлить, его остановка там, как бы ни была она кратка, стала настоящим благословением для жителей того местечка. Исцеления были многочисленны, но особого упоминания заслуживает случай Бартоломео Мелькиори. Вскоре после женитьбы этот бедолага захворал чем-то вроде чахотки. Одним из следствий этой болезни было то, что он почти утратил здравое разумение. Над ним взял верх злой дух мрака и чёрного отчаяния, который окутал его как бы тёмной тучей. Друзья сводили несчастного к святилищу св. Антония, но великий святой в небесах как будто остался глух к их мольбам, желая предоставить свершение сего подвига милосердия святому на земле. Увидев бедного страдальца, Герард уверенно обратился к нему с ободряющими словами:

– Это пустяки, друг мой, пустяки!

Затем, когда он, ласково положив руку на голову Бартоломео, произнёс несколько молитв, тот немедленно исцелился. Он снова был здоров умом и телом.

Моровое поветрие уже не так лютовало, и Герард потихоньку возвратился в Иличето, завершив назначенные ему труды по образу и с могуществом святого. Сила исходила от него (*ср. Лк. 6:19*), ибо он ходил с Богом (*ср. Мал. 2:6*) и был совершен (*ср. Мф. 5:48*).

ГЛАВА X. ЕГО ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

Пора обратиться от чудотворений и благодеяний святого к рассмотрению его внутренней жизни, что была скрыта со Христом в Боге (*ср. Кол. 3:3*). В ней заключался источник всей его деятельности, тайна его власти над людскими сердцами. К счастью не приходится напрягать воображение, чтобы заглянуть в глубины его души. Наш святой сам за себя скажет. Под предлогом необходимости изучить, подлинно ли Святой Дух руководствует им, один из его духовников потребовал, чтобы он предавал записи все свои способы самообуздания, свои благие намерения, свои постановления – всё, касавшееся его духовной жизни.

Герард послушался с простотой истинного чада Божия. Документ, в котором он неосознанно собственноручно даёт очерк своей святости всё ещё в нашем распоряжении. Из него мы и будем приводить выдержки.

Вашему преподобию угодно подробно знать о способах самообуздания, коим я следую, равно как и о моих желаниях, чувствах и благопостановлениях, а также – точное значение того Обета, согласно коему я обязался всегда доводить всё до совершенства. Извольте же внимать, поелику я готов дать отчёт не только о внешних моих действиях, но также и обо всех преходящих помыслах, и поспособствуйте тем как можно более близкому моему сообщению с Богом, дабы тем надёжнее возмог я следовать по стезе вечного спасения.

Далее следует длинный перечень упражнений в самообуздании, коим он следовал: некоторым –ежедневно, некоторым – по средам, пятницам и субботам; иным – по особым случаям, таким как новенны, предшествующие великим праздникам. После перечисления своих телесных подвигов (судя по которым его едва ли в превзошёл в обуздании плоти хоть кто-нибудь из святых) он переходит к пожеланиям. В общем итоге они таковы:

Любить Бога, крепко любить Его.

Всегда пребывать в единении с Богом.

Делать всё только ради Бога.

Всегда сообразовываться с Его святой волей.

Крепко страдать за Бога.

Сказав далее о своём великом желании стать святым и помянув ту возвышенную истину, что, если раз упустить даваемые нам в течение жизни обильные возможности добиться освящения, то упущены они будут вовек, Герард продолжает, обращаясь к себе:

Брат Герард, решишь же полностью предаться Богу! С сего мгновения хорошенько уясни себе и не забывай никогда, что одно необходимо, чтобы стать святым – молитва и нерушимое созерцание. А лучший способ созерцания состоит в том, чтобы быть таким, как Богу угодно, чтобы поступать по Его воле без всяких оговорок и с готовностью жертвовать собою в любое мгновение жизни ради любви Божией. Во то, чего Господь требует от тебя. Не будь рабом мира и своей самости. Достаточно присутствия Божия, чтобы всегда находиться в единении с Ним. Нет ничего вернее, как мне кажется, правила, что всё, делаемое ради Бога, становится молитвой. Кто-то берётся за одно дело, кто-то – за другое. Ну а моё дело лишь в том, чтобы творить волю Божию. Всякая боль отступает, когда мы действуем ради Бога.

Перейдём к огромной веренице постановлений Герарда. Они заслуживают самого внимательного рассмотрения. По мере того, как мы вникаем в них, нам открывается любовь к Богу и человеку, что служила источником неутомимости и силы святого. Здесь можно рассмотреть самую суть его духовности. Эти постановления так практичны и исполнены столь возвышенного здравого смысла,

что все и каждый смогут найти среди них не только предмет восхищения, но и пример для подражания в поступках повседневной жизни.

Господи мой Иисусе Христе! Призри на меня, ибо готов я в писаном виде обещать Твоему Величию Божию, что верно соблюду следующие свои постановления. Давно уже я принял их, но ныне, получив разрешение, я их все подтверждаю. Соделай так, Господи, чтобы я оказался им верен! Горе мне, я не могу положиться на самого себя, будучи неспособен самостоятельно исполнить ни малейшего начинания! Однако на Тебя одного уповаю я, на Саму бескрайнюю Благость и Милость, на Тебя, не могущего поступить иначе, кроме как хранить верность обетованиям Своим (ср. 2 Тим. 2:13), о Благость вышняя! Всякий раз, как я падал, виноват в падении бывал я один. Посему я хочу быть тем, что Ты сотворишь из меня. Молю Тебя, соделай так, чтобы я строго и беспорочно исполнил всё, и на то дерзновенно надеюсь обрести благодать Твою, о неистощимая Сокровищница милости!

Прибегаю к Святому Духу как к единственному моему утешителю и покровителю во всех обстоятельствах. Да будет Он мне защитой и искоренит все мои пороки.

Затем святой Герард взывает к Пресвятой Богородице и ко всем гражданам небесной страны, «особенно же к моим покровителям: Терезе, Марии Магдалине де Пацци, к Агнессе» с просьбой оказать ему помощь в трудах. И продолжает:

Я намерен проводить испытание совести каждые две недели, проверяя, не оступился ли я в чём-нибудь при исполнении постановлений, которые приведу ниже. Герард, уясни себе хорошенько, что однажды всё, что ты сейчас пишешь, вновь предстанет перед твоим взором. Так что позаботься о доскональном исполнении оного. Но кто ты, кто ты, спрашиваю, смеющийся так угрожать мне? Ты говоришь правду, но разве неведомо тебе, что я никогда не полагаался на себя? Иначе бы наверняка потерял голову. На Бог и на одного лишь Бога я уповаю и надеюсь. В Его руки я вложил свою жизнь целиком, дабы Он мог творить со мною, что Ему будет угодно. И хотя живу я, но вне жизни, ибо Бог – жизнь моя (ср. Гал. 2:20). Лишь в Нём одном обретаю я покой, у Него одного взыскую помощи в исполнении даваемых ныне обещаний.

Слава Иисусу и Марии!

Далее следуют постановления. Нам показалось, что они не подлежат сокращению, поэтому приводим их целиком в том виде, как Герард записал их.

I. Боже мой, единственная любовь моя, сегодня и во всякий день вверяюсь Твоему благоусмотрению. При любых искушениях и испытаниях я обещаю молвить: «Да будет воля Твоя!» Всё, что бы Ты не предопределил мне, приму всем сердцем, никогда не отрывая взора от небес в преклонении перед Дланями Твоими, осыпающими меня драгоценным жемчугом пресвятой воли Твоей.

II. Господи Иисусе, я желаю исполнять всё, что повелевает мне моя Мать – Святая Католическая Церковь.

III. Иисусе мой, из любви к Тебе я обещаю быть послушным моему руководству, словно Тебе Самому, явленному взору моему. Обещаю жить, словно бы более не

принадлежа себе, а стараясь сообразовываться с суждениями и волей тех, кто распоряжается мною, всегда будучи уверен, что в них обнаружу Тебя.

IV. Среди всех добродетелей, что дороги Тебе, Боже мой, с особым пристрастием я люблю святую чистоту. Уповаю на Тебя, о Святость беспредельная, что сохранишь Ты меня от всякого помысла, пятнающего светлоту в душе моей.

V. Обещаю говорить только в трёх случаях: когда на кону слава Божия; когда того требует благо ближнего; или когда то необходимо по каким-либо личным причинам.

VI. Во время рекреаций я буду говорить, только если ко мне обратятся, за исключением упомянутых выше случаев.

VII. Когда возникнет соблазн сказать что-нибудь неуютное Богу, я произнесу вместо того слова: «Иисусе мой, я люблю Тебя всем сердцем!»

VIII. О себе обещаю не говорить ни хорошо, ни дурно. А поступать так, словно бы не существует такого человека, как я.

IX. Обещаю никогда не оправдываться, какие бы ни были у меня к тому основания, за исключением случаев, когда моё молчание может послужить причиной греха или причинить ущерб ближнему.

X. Я буду противиться всему, что мешает строгому соблюдению устава в общине.

XI. Обещаю никогда не отвечать на обвинения, если только мне не прикажут.

XII. В беседе я никого не буду упрекать. Обещаю также никак не упоминать провинностей ближнего, даже в шутку.

XIII. Обещаю старательно оправдывать всякого, созерцая в ближнем Лик самого Иисуса Христа, осуждённого иудеями невзирая на Его невиновность. Обещаю защищать других, особенно в их отсутствие.

XIV. Если кто-нибудь заговорит о другом дурно, обещаю указать говорящему на его оплошность, пускай он будет даже самим отцом-генералом (Поскольку отцом-генералом в то время был сам св. Альфонс, вряд ли святому Герарду пришлось хоть раз исполнить на практике последнюю часть данного постановления. – прим. авт.)

XV. Обещаю делать всё возможное, чтобы предотвратить любой повод к досаде ближних.

XVI. Заметив чужой проступок, буду стараться не пенять виновнику при других. Обещаю поговорить с ним наедине, не повышая при этом голоса.

XVII. Заметив, что кто-нибудь из отцов или братьев нуждается в помощи, обещаю бросить всё и пособить ему, если это можно сделать, не преступая послушания.

XVIII. Обещаю навещать больных, неизменно только по разрешению, несколько раз в день.

XIX. Обещаю никогда не вмешиваться в чужие дела. Не позволю себе никому сказать, что он сделал что-то дурно.

XX. Если мне прикажут помочь кому-нибудь в работе, обещаю исполнить повеление начальствующего точно и безоговорочно. Я никогда не позволю себе сказать, мол, что-то сделано неподобающим образом. Впрочем, если я буду знать по собственному опыту, как можно что-либо исполнить, я дам совет, но ни в коем случае не тоном наставника.

XXI. Когда меня вместе с другими направят на послушание в обители, то как бы ничтожно оно ни было (подметание коридоров, перестановка мебели и т.п.), обещаю взять себе за правило не искать места или занятия получше. Постараюсь что легче уступать другим, а на себя брать что Бог пошлёт. Так все будут довольны, а заодно и я.

XXII. Обещаю не вызываться на выполнение какого-нибудь послушания, но дожидаться, пока не скажут, что делать.

XXIII. В трапезной обещаю не смотреть по сторонам, разве что только при исполнении послушания или из долга любви к ближнему.

XXIV. За столом я обещаю есть из ближайшей ко мне тарелки, не заглядывая в другие.

XXV. Во всяком своём внутреннем борении я обещаю стараться не слушать внушений самолюбия. Если кто-нибудь примется винить или обвинять меня, я постараюсь мягко отмахнуться от всех горьких чувств. Пусть спокойствие воцарится в глубине души моей.

XXVI. Наиважнейшее моё постановление заключается в том, чтобы безоговорочно предаться Богу. Поэтому я постараюсь постоянно держать пред взором девиз: «Будь глух, слеп и нем».

XXVII. Я обещаю забыть значение выражений «хочу» и «не хочу». Одного я по-настоящему желаю: того, что Тебе благоугодно, Боже мой, а не мне. Пускай же Твоя воля свершится, Господи, а не моя.

XXVIII. Чтобы исполнять Божию волю, мне сперва нужно отказаться от своей. Я хочу обладать лишь Богом, но, коли желаю я только Бога, то подобает мне отрешиться от всего, что не есть Бог.

XXIX. Обещаю от всего сердца ни в чём не искать своей выгоды.

XXX. Во всякое время молчаливчества я обещаю размышлять в глубине души о страстях и смерти Иисуса Христа и о скорбях Марии.

XXXI. Да будут все мои молитвы, богослужения и благие дела всегда направлены – в единении с драгоценной Кровью Христовой – на спасение бедных грешников.

XXXII. Если у кого-нибудь будет недоставать терпения в посылаемых ему Богом испытаниях и он попросит меня о помощи, я обещаю помолиться за него и в течение трёх дней приносить в жертву Богу все свои усилия, дабы стяжать для просившего смирение с волей Божией.

XXXIV. Положу себе постоянным правилом не испрашивать позволения на святой причастие накануне. Буду испрашивать его непосредственно перед тем, как пойти в церковь. Таким образом я буду держать себя в состоянии постоянной готовности. Если мне откажут, я приму духовное причастие, когда священник будет причащаться в полноте таинства.

XXXV. Обещаю творить благодарение за причастие до полудня, а готовиться к следующему дню с полудня и до шести вечера.

XXXVI. Посещая Св. Тайны, я буду повторять следующий обет: «Господи Иисусе, я верую, что Ты присутствуешь во Святых Тайнах, и я поклоняюсь тебе от всего сердца. Я буду стремиться почитать Тебя, приходя сюда всякий раз, когда Ты будешь присутствовать во святой гостии, и приносить Тебе Твою драгоценную Кровь в жертву за бедных грешников. Кроме того я желал бы принимать Тебя духовно столько раз, сколько есть на свете святилищ, где Ты пребываешь».

XXXVII. Обещаю творить следующие обеты любви к Богу: «Боже, я буду стремиться явить Тебе столько же знаков любви, сколько явила Пресвятая Богородица и святые в небесах, а также и все верные на земле. Я хотел бы любить Тебя так же сильно, как Иисус Христос Тебя любит и как Он любил избранных Своих. Я хотел бы возобновлять этот обет с каждым ударом своего сердца. Возношу сии свои пожелания к Матушке моей Марии».

XXXVIII. Обещаю оказывать священникам всевозможное почтение, созерцая в них самого Иисуса Христа и стараясь проникнуться пониманием высоты их служения.

От этих постановлений святой Герард переходит к объяснению того дивного Обета, согласно коему он обязался доводить всё до совершенства.

Объяснение моего Обета.

Я обязался всегда доводить всё до совершенства. Под этим я разумею то, что буду стараться выбирать ту стезю, что представляется мне самой совершенной пред взором Божиим.

Это обязательство распространяется на все мои действия, даже самомалейшие, понуждая меня всегда исполнять их с величайшей самоотверженностью и предельным совершенством. Дабы не попасть в затруднительное положение, я намерен подобающим образом получить от Вашего преподобия общее дозволение на это.

Ограничения моего Обета.

Любые действия, совершённые в минуты отвлечения или вызванные ошибкой, не относятся к этому Обету. Также не будет нарушением Обета, если я попрошу разрешения от него на время пребывания вне обители. Делаю эту оговорку во избежание мелких сомнений, могущих стеснить свободу моих действий. Я всегда оставляю за собой право попросить у исповедника разрешения от этого Обета. Со своей стороны он всегда будет волен освободить меня от оногo по своему благоусмотрению.

Изложив этот героический Обет, обязывающий во всех осознанных действиях стремиться к совершенству, святой Герард перешёл к перечислению своих будничных благочестивых упражнений. Он даже предоставил духовнику длинный список святых, коих чтит как своих особых покровителей, среди коих были те, что отличались особым почитанием Святой Человечности нашего Господа: такие как св. Мария Магдалина де Пацци, св. Бернард и св. Филипп Нери; те, чьи сердца снедала ревность о спасении душ: св. Франциск Ксаверий и св. Тереза; или великие тайновидцы, вроде св. Франциска Ассизского и св. Феликса Канталиче.

Наконец, завершает он сие откровение глубин своего существа следующими огненными словами:

«О Боже! – восклицает он, – подай мне силы обратить столько грешников, сколько есть песчинок в море и на земле, сколько есть листьев на деревьях, былинки в полях, звёзд на небе, лучей у солнца, атомов в воздухе! Позволь мне обратиться к Тебе столько душ, сколько существует тварей в сем мире!»

ГЛАВА XI. ГОДИНА ИСПЫТАНИЙ

«Ради милосердия молитесь обо мне крепко! Я в таком положении, что очень нуждаюсь в молитвах».

Так весной 1754 года святой Герард писал священнику, с которым был накоротке. На следующий день ему предстояло отправиться из Иличето в Ночеру, где располагалась резиденция св. Альфонса. Над добрым именем Герарда только что повисла ужасная угроза, и святой Основатель призвал его явиться на встречу как можно скорее.

Похоже, св. Альфонс никогда вполне не доверял этой низкой клевете, но и Герарда он знал ещё едва чуть-чуть, а свидетельство против него казалось чрезвычайно серьёзным. Когда бедный инок прибыл в Ночеру, ему сразу дали ознакомиться с обвинением в проступке, характер которого был совершенно противен его натуре. Он выслушал всё без единого слова, хотя, безусловно, был совершенно волен оправдаться, если бы то было ему угодно.

Пункт устава, запрещающий редемптористу защищаться от упрёков, никогда не предназначался для использования в подобных обстоятельствах. Но слуга Божий памятовал о собственном Обете всё доводить до совершенства и потому решился – в честь молчания нашего благословенного Господа пред лицом лживых обвинений – не говорить ни слова в ответ на отвратительную клевету, обрушившуюся на него. Однако его отказ опровергнуть или хотя бы отрицать обвинение показался молчаливым признанием вины. Св. Альфонс не преминул выразить свою горечь и негодование. Он отлучил Герарда от святого причастия и строжайшим образом воспретил ему всяческие взаимоотношения с внешним миром. Смиранный инок кивнул с кроткой покорностью. Он воспринял всё как должное и не издал ни полслова в самооправдание.

Когда это дело приобрело широкую огласку, что случилось достаточно быстро, несколько священников ордена, хорошо знавших добродетельность Герарда, попросили его очистить своё доброе имя.

– Есть Бог на небе, – последовал ответ, – Он усмотрит. Неужто вы лишите меня возможности немного пострадать ради Него? Именно в Его воле, чтобы я перенёс

это унижение. Как мне не исполнить его благопожелание? Да сотворит Бог что угодно Ему! Я же со своей стороны не желаю ничего, кроме того, что желает Он.

В годину того ужасного испытания святой Герард усугубил свои подвиги, дабы вымолить у Бога преобильную помощь, в которой он столь отчаянно нуждался. Самые свои горячие молитвы он возносил за своих клеветников. Ни единого слова жалобы не срывалось с его уст. Ни на единый миг он не терял своей глубинной безмятежности духа. Отлучённый от святого причастия, бывшего доселе единственной его великой радостью и поддержкой в жизни, он говаривал тем, кто ему сострадал:

– Мне довольно, что Иисус Христос пребывает у меня в сердце. Господь желает наказать меня за холодность любви моей. Он убежал от меня, но я удержал Его в своей душе, ибо там Его благодать. Там я Его никогда не лишусь.

Когда его стали уговаривать попросить у св. Альфонса позволения снова приступить к святому причастию, он заколебался на мгновение. Но лишь на мгновение.

– Нет, – сказал он, – должно быть, мне нужно быть сокрушённом в виноградном точиле воли моего Бога.

Другой раз он сказал священнику, попросившему его прислуживать ему при мессе:

– Оставьте меня и не искушайте! Если бы я прислуживал вам на мессе, я бы выхватил Его у вас из рук, когда вы стояли бы при алтаре.

Нельзя было бы придумать более тяжкого испытания для него – лишение святого причастия. Слово бы солнце внезапно пропало с небес, прекратив озарять его земную жизнь.

Впрочем, оставались ещё и великие утешения. Бог не по силам креста не даёт. Любящие друзья, которые целиком и полностью от всего сердца верили в него всё это время верой, опровергающей даже самые неблагоприятные свидетельства, писали ему письма, исполненные нежного сочувствия и ободрения, которые он не мог не оценить по достоинству. Но Святой Дух, Утешитель, Сам свыше успокаивал слугу Своего в сей час страшного горя.

В пору его торжества, когда экстазы и чудеса были привычны ему, когда все как один сотоварищи ценили его, а все знавшие его почитали его дивным святым, он подвергся на время очищению в горниле ужасных внутренних мук. Люди называли его зазнавшимся баловнем Небес, а он всё это время, хоть без их ведома, был жертвой сокровенных испытаний, известных во всей их глубине лишь величайшим из избранников Божиих.

Страх перед тем, что в наказание за – как он считал – свою неверность благодати он будет навечно изринут от присутствия Божества, угнетал его ночью и не давал покоя днём. Осызаемая тьма (ср. *Исх. 10:21*) окутывала душу его. Суждено ли ему когда-нибудь узреть дивный лик Иисуса Христа? Суждено ли ему когда-нибудь наряду с пророками и мучениками, с Предтечей Мессии, с девами и исповедниками, с апостолами Агнца, с великим Опекуном нашего Господа и самой Его Непорочной Матерью предстать в лике искупленных около престола Предвечного? Как смеет он возноситься своими надеждами столь высоко? И тогда

от сатаны на него было наслано мрачное искушение – всю мучительность коего могут представить лишь те, кто любит Бога любовью святых – искушение отчаянием. Они ни на мгновение не уступал, хотя враг в своих нападениях, казалось, вот-вот разорвёт пополам его сердце.

«Ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле унижения» (Сир. 2:5).

Но именно теперь, когда он оказался в глубоком бесчестье, даже в глазах Отца общины – св. Альфонса, когда многие смотрели на него косо как на изобличённого лицемера, настала пора принять возмещение от Бога. Свет и благодать преисполнили его душу небесным ликованием. Казалось, Бог опять заговорил лицом к лицу со своим верным сыном (ср. Исх. 33:11). Он вновь обрёл те же ощутимые чувствами утешения, что и в детстве. Они, хоть, конечно, и в иной форме, но не менее подлинные – вновь были с ним. Казалось, он вот-вот неприкровоенно узрит своего Бога.

Лишённый, как мы знаем, без малейшей вины со своей стороны истинного Хлеба жизни, уделяемого Богом по Своей предивной любви страннику, дабы он в мучительном путешествии по обширной пустыни человеческих невзгод не изнемог от тягости и зноя дня (ср. Мф. 20:12) – лишённый Святой Евхаристии, Герард вкушал верою вместе со святыми свыше от самого Существа Божия, с коим он соединялся всё более и более тесно с каждым миновавшим часом, неизменно возносимый горе даже до вершин возвышеннейших созерцаний.

Однажды его спросили, как смог он прожить без причастия? Он тут же ответил:

– Я укреплялся в безмерности Бога моего.

Так он на собственном опыте убедился в истинности изречения, обнаруженного в одном из его писем: «Страдай, но только ради Бога, и сами страдания низведут для тебя небеса на землю». Так же верно, что только те счастливы совершенным счастьем, кто творит волю Божию совершенно свободно и совершенно преданно, как она творима перед Его горним престолом.

Спустя некоторое время, поскольку Герард всё никак не выказывал признаков раскаяния, св. Альфонс направил его в Чорани, чтобы там он без стеснения, коли пожелает, мог исповедаться незнакомому священнику. Из этого видно, что он всё ещё находился под тяжким подозрением, причём он должен был чувствовать это подозрение к себе особенно остро. В Чорани он провёл две недели, после чего был переведён в другую обитель и получил позволение приступать ко святом причастию раз в неделю.

Но вскоре тучи разошлись. Негодных очернителей невинности в итоге замучили угрызения совести. Они написали признание в том, что их обвинение представляло из себя сплошную ложь, вымышленную ими по наущению врага рода человеческого.

Св. Альфонс исполнился ликования. Он немедленно вызвал Герарда в Ночеру и заявил, что добродетели, которые он проявил в сию годину испытаний, сами по себе были достаточным доказательством того, что он великий святой.

Блаженный Основатель спросил как-то раз святого Герарда, почему он не молвил ни словечка в защиту своей невинности.

– Отче, – отвечивал Герард, – разве Устав не воспрещает оправдываться?

Св. Альфонс был глубоко тронут.

– Ну и ну! – молвил он, – благослови вас Бог, сын мой!

В другой раз он заметил Герарду:

– Вы, должно быть, тяжко страдали духом, не имея возможности принимать святое причастие?

– Нет, отче! – последовал ответ, достойный святого, – Ведь коли Иисус Христос не желал прийти ко мне, то кто такой я чтобы роптать?

ГЛАВА XII. ЕГО ПИСЬМА

Одной из наиболее замечательных особенностей жизни святого Герарда было его глубокое и непрерывное общение с различными общинами монашествующих женщин. Он реформировал своими усилиями и без посторонней помощи по меньшей мере три монастыря, а из документов канонизационного процесса известно, что он был постоянно занят духовными нуждами монахинь. Оказывается, он поддерживал теснейшие связи как с целыми общинами, так и лично с инокинями: время от времени навещал их, беседовал с ними «при решётке» (*в затворнических монастырях, как ныне у кармелиток, встречи сестёр с посетителями допускались только через зарешеченную преграду, – прим. пер.*), писал им длинные письма – словом, исполняя все обязанности духовного руководителя, причём, можно добавить, руководителя, располагающего, по-видимому, изрядным досугом.

Это, вне сомнений, совершенно поразительный факт. Ведь при обычных обстоятельствах к обязанностям светских братьев не относится духовное руководство ни над монахинями, ни над мирянками – это очевидно и неопровержимо. Единственное, что можно привести в качестве объяснения: в случае святого Герарда его образ действий был следствием из ряда вон выходящего действия благодати Божией, что подтверждается его смирением и послушанием; он также получил поддержку и одобрение и епископов, которые настоятельно приглашали посещать монастыри, находящиеся в их ведении, и его настоятелями, давшими на то соответствующее позволение. Ни один человек на земле не способен обрести большей уверенности [в правильном выборе образа действий], нежели той, что происходит от сочетания гласа Божия внутри нас (то есть внутреннего позыва к усердному труду) с гласом Божиим извне (то есть указанием законного руководителя). Причём тот, кто внимлет второму, защищён от всякой возможной прелести, грозящей в связи с первым.

Таковая уверенность в высшей степени была присуща святому Герарду – одному из самых смиренных и послушливых среди людей.

Чтобы лучше уразуметь его дух, позволим ему самому сказать за себя. Он был весьма привязан к общине кармелиток в Рипакандиде, о которой столь часто упоминается в житии св. Альфонса. Два из числа самых удивительных экстазов имели место в гостевом покое этого монастыря, причём один – в присутствии всей

общины, с которой он в то время проводил собеседования о любви к Богу. Все почитали его как великого святого. Поэтому не стоит удивляться, что новая приоресса после своего избрания умоляла святого Герарда о руководящих указаниях, которые могли бы поспособствовать ей в исполнении недавно возложенных на неё обязанностей. Слуга Божий незамедлительно исполнил её просьбу, послав ей длинный документ, из которого мы приводим ниже некоторые выписки.

«Поскольку приоресса представляет Самого Бога, ей подобает исполнять своё служение с величайшей осмотрительностью, если желает она угодить своему Наставнику, избравшему её Своей представительницей. Она имеет нужду в великом благоразумии и во всём должна руководствоваться в согласии с теми же мыслями, что и во Христе Иисусе (*ср. Флп. 2:5, – пер. еп. Кассиана*). Её сердце должно быть умщено сладостными благовониями всех добродетелей, кои она имеет сообщить своим подчинённым, которые должны возрастая в совершенстве попросту следуя по стопам своей матушки. Настоятельница обязана никогда не упускать из виду собственного убожества и немощи, памятуя, что Бог вознёс её на занимаемое ею место исключительно по благодати Своей, поскольку имеется превеликое множество других, куда более достойных, чем она. Так что, принижая себя в собственных очах, она и к оплошностям других возымеет сострадание. Она должна исполнять обязанности своего служения в духе любви и никогда не смотреть на оные как на слишком тягостное бремя. Приняв во внимание то, что Бог спокон веков предназначил её для сей должности, пускай же старается она день за днём становиться всё лучшей настоятельницей, всё время сообразуясь с Божией волей, с полным безразличием относясь к высоте своего положения и ничуть не привязываясь к оному.

При затруднениях ей подобает искать как можно более мудрого совета. Однако, приняв определённое решение, она должна устремиться к славе Божией как к искомой цели и проводить своё решение в жизнь, невзирая ни на какие человеческие мнения, даже если ей потребуется пролить всю свою кровь до последней капли. Ради любви к Богу она должна попать самолюбие ногами своими.

Настоятельнице следует часто говорить себе: «Бог пожелал, чтобы я была на том месте, где я есмь. Поэтому мне следует творить Его святую волю во всём. По долгу я буду смотреть за всеми дочерями своими и буду рабою всем (*ср. Мк. 10:44*). Я обязана каждой подавать совет, свет, утешение. Другим я должна предоставлять что получше, себе оставляя худшее, дабы угодить Богу. Словом, везде и во всём я должна страдать, дабы быть верной ученицею Иисуса Христа, небесного Жениха моего».

«Ум настоятельницы должен быть как колесо – всегда в движении, помышляя, как обеспечить нужды её дочерей. Она должна всех их любить нежно, но только в Боге, не выказывая никакого предпочтения той или другой. Памятуя, что монахини не могут себя ничем обеспечить, кроме как в соответствии со святым послушанием, ей следует совершенно забыть о себе и посвятить все данные ей Богом дарования на служение им. Буде поступят в монастырь какие приношения отвне, да позаботится она о нуждах чад своих прежде, нежели подумает о своих».

Следует ей так поставить себя, чтобы они чувствовали себя с ней непосредственно, особенно те, коим грозит опасность затаить к ней недоверчивость. С оной целью ей должно покорить их сердца, для чего пускай будет она приветлива в обращении, даже когда кажется это ей до крайности трудно, и должна она непрерывно стремиться преодолевать себя в этом отношении – всегда стремясь угодить Богу. Если она не будет действовать таким образом, если не проявит она материнской любви к страждущим от искушений, смущение ума их будет только возрастать. Сие даже может повергнуть их в отчаяние. И уж по меньшей мере то ощущение, что ими пренебрегают и превратно понимают их, помешает им возрастать в любви к Богу».

Затем святой ещё говорит о твёрдости и мягкости, но более – о мягкости, с которой подобает налагать наказания, и подытоживает:

«Такое наказание, по моему мнению, рассчитано на то, чтобы побудить несовершенную инокиню с большим доверием прибегать к помощи своей настоятельницы, которая, соответственно, может пособить ей спастись от теплохладности и вернуться на стезю совершенствования. Жёсткость доставляет беспокойство, искушения, скрытность и духовную леность в итоге. Мягкость, напротив, приносит мир и спокойствие. Она располагает душу искать единения с Богом. Если бы все настоятели следовали этому правилу, все руководимые ими сделались бы святыми. Именно недостаток благоразумия причиняет столько бед некоторым монашеским обителям. Где царит смущение, там царит лукавый, а где царит сатана, там Бога не найти».

Именно этим кармелиткам, приоресса коих получила сии поразительные наставления, Герард писал несколькими годами ранее:

«Как горячо желаю я, чтобы все сестрицы вселились навек в израненном Сердце Иисусовом и измученном Сердце Пресвятой Богородицы! Именно в оных Сердцах обретается всяческая милость. В этих Сердцах – отдохновение наше».

По какому-то случаю он написал матери-приорессе следующее:

«Поверьте, дражайшая моя матушка в Иисусе Христе, что несмотря на своё недостойство я постоянно молюсь Господу за вас и вашу общину. Главный предмет молитв моих состоит в прощении о том, чтобы стали вы совершенными невестами Божественного Наставника и поистине возлюбили святейшую волю Его. Чистую правду говорю: никогда не находился я в присутствии нашего Господа, чтобы не увидеть при сем вас в Его Святейшем Сердце, а потому я возношу сие покрытое ранами Святое Сердце за вас и дочерей ваших».

Поглядим теперь, что святой написал послушнице, которая, как он прослышал, испытывала искушения относительно своего призвания:

«Дражайшая сестра в Иисусе Христе, заклинаю вас именем Божиим хранить в себе прочный и святой мир, ибо вся сия буря есть работа лукавого, который старательно наущает вас покинуть святую обитель. Дитя моё, бодрствуйте! Сатана исполнен коварства и завистливой ненависти. Он будет пытаться помешать вам стать святой. По этой причине ваша стойкость вызывает у него величайшую злобу. Все мы испытывали его нападения против нашего призвания, но Бог попускает их только ради испытания нашей верности. Посему успокойтесь.

Всегда безоговорочно веряйтесь Иисусу, и Он не преминет прийти к вам на помощь. Как могло так случиться, чтобы вы при всей любви своей позабыли, сколько раз вы обещали Иисусу Христу навеки остаться невестой Ему? Если же прежде вы столь пламенно жаждали звания невесты Божественного Наставника, почему ныне отрицаетесь от оногo..? И так, продолжайте же со всяческой душевной вольностью! Не сдавайтесь! Да исполнит любовь Божия сердце ваше! Почаще обращайтесь к Нему и обращайтесь в бегство адские силы. И ещё одно словечко. Молитесь за меня. Я о вас молиться не забываю».

Письмо возымело своё действие. Послушница навсегда избавилась от искушений и стала превосходной инокиней.

По этим кратким выдержкам мы можем составить впечатление об общей тональности писем (по большей части дошедших до нас) святого Герарда к монахиням. От них веет братской любовью, мягкосердечием, любезностью; они исполнены небесного благоухания. В них чувствуется кроткий дух Иисуса Христа, Господа нашего.

Причём письма с утешениями и советами Герард писал не только монахиням. Многие священники искали его помощи, и он всегда считал величайшей честью оказаться полезным тем, кого Бог помазал на служение Своему народу.

«Относительно ваших угрызений совести за проступки прошлого, то, поскольку вы уже, как мне хорошо известно, несколько раз провели испытание совести, будьте спокойны и не терзайтесь более по этому поводу. Сомнения у вас возникают просто вследствие сатанинских ухищрений. Дьявол, поднимая бурю у вас в душе, старается лишить вас мира душевного. Потому будьте бдительны и не прислушивайтесь к его наущениям, рассматривайте сие беспокойство как подлинное искушение и сохраняйте спокойствие, дабы иметь возможность продолжать путь совершенствования.

Что же касается сомнений, относящихся к вашему долгу принимать исповеди, это, заверяю вас со всей искренностью, тоже искушение. Враг хочет заставить вас оставить это занятие, столь способствующее славе Божией, и к кому вы были избраны прежде всех веков на великое благо душе вашей. Во имя Божие не поддавайтесь сему искушению! Если бы Ваше преподобие прекратили принимать исповеди, тогда ваша духовная жизнь потерпела бы величайший урон, а в вечности Бог не уделит бы вам великолепной награды, уготованной Им для вас, если вы останетесь верны. Покинуть исповедальню означало бы для вас то же самое, что отказаться творить волю Божию, ибо воля Божия (повторю) о вас заключается в том, чтобы вы с величайшей ревностью трудились в винограднике Его. Не позволяйте себе более беспокоиться о каких-нибудь ошибках, что вы можете совершить из-за невнимательности в исполнении вашего служения. Довольно будет для вас неколебимо стремиться не оскорблять Бога. Во всём остальном положитесь на благое попечение Промысла Божия».

А вот письмо святого Герарда отцу-редемптористу, попросившему совета в своих внутренних борениях:

«Ликую я, преподобный отче, о деяниях Всемогущего Бога в жизни Вашего преподобия. Я вполне уверен, что Он уделит вам благодать, чтобы восторжествовать над всеми вашими духовными неприятелями. Смелее же!

Ничего не бойтесь, но ликуйте! Господь несомненно на вашей стороне и никогда не покинет вас. Ваше преподобие сомневается относительно прошлых своих исповедей. Это небольшое испытание, посылаемое Богом, дабы предоставить вам возможность сколько-нибудь пострадать ради Него. Вы говорите мне, что сами виноваты во всём. Если бы вы подумали иначе, ваша тревога немедля исчезла бы. Именно так Величие Божие поступает с душами, любимыми Им, позволяя им пребывать в убеждении, что всё происходит из-за их небрежения. Если бы Ваше преподобие хоть раз почувствовало, что все ваши страдания исходят из рук Божиих, что бы осталось от страданий? Тогда вы в самих страданиях обрели бы отраду райскую. В конце концов, если и есть у нас какие-то мелкие провинности, пускай даже мы порой в самом деле совершаем падения, нужно помнить, что и сами святые состояли из плоти и крови. Веруйте в Бога, дражайший мой отче, и надейтесь на Него. По любви своей поминайте меня пред Иисусом Христом и Пресвятой Его Матерью Марией! Молю Их благословить нас обоих».

ГЛАВА XIII. ЕГО ДИВНАЯ ЖИЗНЬ В НЕАПОЛЕ

Отцы-редемптористы с раннего периода истории своей конгрегации владели маленькой резиденцией в Неаполе; её передал им брат св. Альфонса, с тем чтобы у них было собственное помещение, где они могли бы передохнуть, проезжая через этот город с одной миссии на другую.

О. Марготта, генеральный доверенный конгрегации, вскоре после победного оправдания святого Герарда был отправлен в Неаполь, чтобы возглавить эту маленькую обитель. Он был человеком исключительного благочестия. Хорошо знакомый со святым, он писал ему самые тёплые письма в пору его недавней опалы, а теперь просил в качестве особой любезности, чтобы Герарда предоставили ему в компаньоны на время пребывания в Неаполе.

– Да, – сказал св. Альфонс, – возьми его с собой. Это будет ему хоть каким-то возмещением за испытания, которые он перенёс так достойно.

О. Марготта и святой Герард несколько месяцев провели вместе в Неаполе, ведя на диво святую жизнь. Они были одни и потому имели полную свободу, чтобы со всей ревностью предаться героическому служению Богу. С полным взаимным пониманием они упражнялись в изобретательности, изыскивая всё новые и новые средства, чтобы поощрить друг друга в проявлениях добродетели. О. Марготта однажды спросил Герарда, что тот приготовил на обед?

– Тот самый обед, что Ваше преподобие заказывали утром, – последовал улыбочивый ответ, – его и ничего более!

Но как выяснилось, в тот день он не приготовил вообще никакого обеда, поскольку заказан-то он не был! Святой, несомненно, знал, что о. Марготта с превеликой радостью разделит с ним пост.

Однако не всегда он общался только с о. Марготтой. К ним в Неаполь был направлен своим настоятелем один светский брат, Франциск Тартальяне по имени. Утром после его прибытия он вместе со святым Герардом вышли в город: в обязанности Герарда входила покупка снеди к обеду. Не успев ещё ничего приобрести, он наткнулся на базарной площади на убогого коробейника,

торговавшего спичками. Поистине печально было повествование о нуждах и злосчастьях, которую он излил перед сочувствующим слушателем его lamentаций! По его слова он был на пороге голодной смерти. Для Герарда опорожнить свой кошелёк в руки бедняка было делом мгновения. Он взял кое-что из его товаров в обмен на деньги и направил стопы домой с совершеннейшим миром в душе. Между тем брат Франциск тоже вернулся, а когда явился Герард, сразу спросил у него, что он принёс на обед.

Слуга Божий ответил с лукавым видом:

– Всё, что нам нужно – это Бог: больше мы не хотим ничего.

– Всё это здорово, – возразил брат Франциск, – но что насчёт обеда?

Перед ним на столе лежала гора спичек.

– И что же это такое? – продолжил он в изумлении.

– Дорогой мой брат, – ответил Герард, – я уверен, они нам очень пригодятся.

Затем он поведал о своём приключении на рынке. Замешательство бедного брата Франциска было полнейшим. Он был совершенно обезоружен и не мог вымолвить ни слова. Любовь, как мы знаем, является царицею добродетелей; однако, несмотря на все усилия над собою, он чувствовал, что смертельно хочет есть.

Вскоре к ним присоединился о. Марготта. Святой Герард сразу рассказал ему обо всём случившемся, простодушно добавив, что в отсутствие своего руководителя он взял на себя разрешение подать бедняку милостыню.

– Но, – сказал о. Марготта, с усмешкой отметив растерянность брата Франциска, – скажи, пожалуйста, нам, что же мы должны сегодня кушать?

– Бог усмотрит, – вот был и весь ответ.

Через несколько мгновений он услышал звон дверного колокольчика.

– Наверно, это наш обед, – с улыбкой заметил о. Марготта.

И подошёл вместе с блатом Герардом к дверям. О. Марготта оказался пророком! Там прямо перед ними стояла служанка с корзинкой снеди! Хозяйка только что сказала ей отнести гостинца редемптористам, хотя они едва знали её по имени. Можно быть уверенным, что брат Франциск вовек не забыл того, как Бог наложил печать Своего Божественного одобрения на любовь к ближнему, проявленную святым Герардом.

В течение первых недель своего пребывания в Неаполе святой инок беспрепятственно и невозбранно предавался молитве и созерцанию. Его хозяйственные обязанности были весьма легки, и большую часть дня он оставался в собственном распоряжении.

Каждый день в церкви ораторианцев о. Марготта совершал мессу, после которой Герард имел обыкновение проводить всё утро, затаившись в уголке и в основном простёршись, словно бы замертво, на полу. Также он с великим усердием готов был посетить любую церковь, где Св. Тайны выставлялись для Сорокачасового поклонения.

Однако, мы видим, как всю жизнь Герарда неодолимо влекло к делам милосердия. Скоро это проявилось и в Неаполе. Не так уж много времени прошло, и его хорошо узнали в городе. Каждый день его можно было обнаружить в общественных больницах, где он прислуживал болящим по примеру своего блаженного настоятеля, св. Альфонса; в богадельнях для сумасшедших, где он своей нежной добротой утешал насельников; в больших мастерских, где он зажигал сердца рабочей молодёжи любовью к нашему Господу Иисусу Христу. Обращения, таким образом им достигнутые, были велики, и многих грешников привёл он к стопам о. Марготты, дабы разрешил он их от грехов в таинстве покаяния.

Как обычно, святость его ярко подтверждалась даром чудотворения. Одно из самых дивных знамений, когда либо совершённых им, относится как раз к этой поре его жизни. Его подтверждают под присягой великое множество очевидцев. Однажды, стоя близ Неапольской гавани, он заметил большую людскую толпу. Воздух огласился пронзительными воплями ужаса. Внезапно с великой силой разразился шторм. Какое-то судно вот-вот готово было погрузиться в пучину волн. Исполнившись сострадания к сим несчастным и полагаясь на спасающую длань Того, Кто во время оно усмирил бурю и повелел св. Петру пройти по поверхности вод, словно по твёрдой земле, Герард сотворил крестное знамение и затем без колебания направился в море.

– Во имя Святейшей Троицы! – заклинул он ветхую посудину, утопавшую прямо у него на глазах, – стой где стоишь, приказываю тебе!

В тот же миг лодка замерла. Герард приблизился к ней, схватился и легко, словно кувшинку, плавающую на воде в гавани, вытащил её на берег. Затем в присутствии собравшейся толпы он, не особо замочивший одежду, выбрался из моря на сушу.

Люди в воодушевлённом ликовании воскликнули:

– Чудо! Чудо!

А Герард, гонимый смирением, бежал, словно бы совершив преступление, и до сумерек прятался в какой-то из мастерских. Когда впоследствии о. Марготта спросил его, как ему удалось вытащить лодку на берег, он простодушно ответил:

– Отче, для Бога всё возможно.

Молва об этом чуде сделала Герарда повсеместно известным в Неаполе. Он не мог появиться на улице, чтобы кто-нибудь не воскликнул при виде него:

– Святой идёт! Тот святой, что спас лодку!

Маленькая редемптористская обитель подвергалась ежедневной осаде людьми всех рангов, жаждущими пообщаться с блаженным иноком и получить от него совет в своих бедах и затруднениях. Но чем более люди превозносили Герарда, тем основательнее занимался он изысканиями свежих способов самоуничтожения.

Впервые прибыв в Милан, он возымел обычай – порой один, порой с о. Марготтой, который, казалось, алкал унижений не меньше – смешиваться с толпой попрошаек при дверях Оратория и, соответственно, просить вместе с прочими нищими подаяния от щедрот сынов св. Филиппа (*Нери, т.е. ораторианцев. – прим. пер.*).

Это дивное выражение смирения подверглось, конечно, прямому запрету со стороны удалённого руководства, едва весть о нём достигла его слуха, но вскоре Герард изыскал другой способ усовершенствоваться в святом смирении.

Так, однажды, открыв дверь, он получил следующее сообщение: «Герцогиня Маддолини приглашает брата Герарда».

Поняв, что служанка не явно не знает его в лицо, он ответил со всей серьёзностью:

– К сожалению, я не смогу пригласить к вам этого брата. Честно говоря, он всего лишь простофиля и дурачок. Я нахожу, что люди здесь в Неаполе странным образом заблуждаются на его счёт. Пожалуйста, передайте это герцогине от меня!

Эта дама желала повидать святого Герарда, чтобы попросить у него помощи в исцелении больного ребёнка. Когда служанка вернулась с полученным ответом, герцогиня сразу догадалась, что он ни от кого другого не мог исходить, кроме как от самого святого.

На следующий день рано утром она пошла в церковь Св. Духа, где, как она была уверена, ей удастся найти святого Герарда. Увидев, что он входит, герцогиня подошла к нему и кротко попросила помолиться о выздоровлении её дитяти.

– Здесь, – сказал Герард, обратив взор на дарохранительницу, – здесь обитает Податель всех благих даров.

– Но только от вас и от Него, – отвечала герцогиня, – должна прийти милость, коей чаёт сердце моё!

Герард склонился к ней и пообещал молиться за её ребёнка. Несчастливая мать всё ещё находилась в церкви, когда прибежала её горничная сообщить, что её девочка внезапно выздоровела. Вслед за тем удостоверились, что исцеление совершилось в тот самый миг, когда наш святой пообещал вверить дитя Богу.

Отнюдь не только живущие в миру дамы обращались к святому Герарду за помощью. Как и повсюду, в Неаполе священники и монахи горячо соперничали, спеша получить от него совет. И так продолжалось, пока его руководство не почувствовало необходимость вмешаться.

Ведь даже Герарду – светскому брату по чину – могло быть небезопасно играть роль такого кумира в столь большом городе. Опять же, превращение маленькой редемптористской резиденции в центр притяжения толп возбуждённых посетителей мало способствовало сохранению покоя, каковой должен господствовать в иноческой обители, ведь они даже в самые неподходящие часы рвались повидать дивного чудотворца, молва о котором гремела по всему Неаполю. Соответственно, пробыв в этой столице около четырёх месяцев, св. Альфонс перевёл Герарда к его великому удовлетворению в обитель Капозеле, вернув таким образом к обыкновенной общинной жизни светского брата ордена редемптористов.

ГЛАВА XIV. ЕГО НАЗВАЛИ ОТЦОМ НИЩИХ

Добравшись до места назначения, святой Герард получил должность привратника. Памятуя, что добросовестность в исполнении возложенных по чину обязанностей служит вернейшим средством освящения, святой инок с улыбкой (но и совершенно серьёзно) сказал, что ключ, который ныне отпирает дверь в прихожую, отопрёт когда-нибудь для него врата рая.

Пожалуй, помимо послушания ризничего, никакое другое служение не подходило Герарду лучше, чем привратническое, ибо в этом качестве его уделом было обеспечивать нужды нищих, искавших вспоможения при монастырских дверях. Всю свою жизнь он отличался любовью к нуждающимся. С живой верой он видел в них образ самого Господа нашего и имел обыкновение говорить, что нищие являются Зримым Христом, равно как Св. Тайны – Христом Незримым.

Как пишет о. Таннойа: «В то время нашу обитель осаждали попрошайки. И святой привратник беспокоился об их нуждах, как мать – о благополучии своих детей. Он овладел таким искусством, благодаря коему они всякий раз уходили довольные, и ни разу ни назойливость их, ни обманные уловки не могли вывести его из себя».

Удвоенные усилия он прилагал к помощи тем из них, кто хворал. Если им было слишком худо, чтобы прийти самим, и они посылали за съестным своих детей, он делал всё, что было в его власти, чтобы удовлетворить их нужды в полной мере. Он знал их наперечёт и, когда выходил в город, обычно навещал их.

Тот, кто видал лучшие дни, а теперь оказался в нужде, но стеснялся открыто просить о вспомоществовании, прежде всех прочих становился предметом его заботы. Известно, что он поддерживал целые семейства этой категории. И средства для всякого благодеяния никеогда, казалось, у него не иссякали: он надеялся на Бога и не испытывал разочарований.

В 1754 году случился всеобщий неурожай, в итоге чего в стране начался голод. В конце декабря к воротам монастыря ежедневно приходили по двести бедняков, включая мужчин, женщин и детей, просить подаяния. Их состояние делалось ещё плачевнее из-за исключительно суровой зимы, усугублявшей их и без того великие бедствия. В этих обстоятельствах отец-ректор дал привратнику полную свободу действий.

– Поручаю тебе, – сказал он, – заботиться о нуждах этих несчастных. Их судьба в наших руках. Если мы не поможем им, не представляю, что с ними станет. Бери в обители что угодно и делай с этим что сочтёшь нужным.

Итак, когда руки его были развязаны, Герард со всем рвением набросился на работу. Зима выдалась холодной, а нищие были почти наги. И вот, Герард, пользуясь общим разрешением, которое он получил, отправился в монастырскую кладовую, сгрёб всё, что нашёл, и наделил своих нищих просителей одеждой. Во время всей суровой поры года у него самого ничего не оставалось, кроме старой изношенной рясы. Свой плащ и всё, что ему удалось припасти, он давно роздал.

Морозы в том году были поистине чрезвычайные, так что ему часто приходилось разжигать камин в прихожей, дабы обогреть дрожащих созданий, собиравшихся вокруг него и благодаривших Бога и брата Герарда. Вид малышей, которых родители порой приносили в монастырь, совершенно окоченевших от холода,

трогал его до глубины души. Слезы сострадания текли по его щекам, когда он брал их маленькие ручки в свои ладони и растирал их, вспоминая любовь Иисуса к невинным детям.

Однако одеть нагих было недостаточно; требовалось также накормить голодных. Это было бы невозможно, если бы Божий Промысел раз за разом не приходил на помощь святому Герарду. Накормивший пять тысяч человек пятью малыми хлебами снова явил, что рука Его не сократилась (*ср. Ис. 59:1*). Каждый – как в монастыре, так и за его пределами – знал, что хлеб чудесным образом умножался в руках Герарда.

Так, один юный клирик-редемпторист рассказывал, что однажды, наблюдая, как дивный инок раздаёт еду, он к своему полному изумлению заметил, что едва корзины пустели, они тут же оказывались вновь заполнены – причём ни один человек ничего не подкладывал в них.

Нередко это чудесное умножение еды бывало засвидетельствовано большим числом посторонних людей, а не только проживающих в обители.

С помощью других братьев Герард приготовил для своих бедняков угощение, состоящее из обильного количества макарон, столь любимых каждым истинным итальянцем. Им казалось, что они приготовили их достаточно и даже с излишком, но гостей пришло больше, чем Герард мог предугадать. Стало ясно, что припасы подходят к концу. Всем, кроме святого, стало неловко. Он продолжал накладывать обильные порции и – дивное дело, – когда все насытились, в котле ещё оставалось сколько-то макарон. Они умножились прямо на глазах у братьев!

Однажды святой Герард раздал весь хлеб, имевшийся в обители, до последней крошки, так что общине не осталось на ужин даже краюхи. Когда брат, несший послушание пекаря, обнаружил это, он, как легко можно представить, весьма обеспокоился и отправился жаловаться отцу-ректору. Ректор послал за Герардом и укорил его при другом брате за содеянное, особенно потому, что был уже слишком поздний час, чтобы пойти купить хлеба в городе.

– Не бойтесь, отче, – ответил Герард, – Бог усмотрит.

Затем, обратившись к брату, добавил:

– Брате, пойдём поглядим; вдруг ещё что-нибудь осталось.

– Нет, – нетерпеливо возразил тот, – точно ничего нет. Если хочешь, пуцу тебя – сам поищи.

Герард последовал за ним к хлебному ларю.

– Теперь, – сказал брат перед тем, как поднять крышку, – убедись, что не осталось ни крошки!

С этими словами он открыл ларь. И вот: он был совершенно полон!

– Благословен Ты, Боже, вовеки! – вскричал Герард и немедленно выбежал в церковь, дабы возблагодарить там благость своего Господа.

– Ох... – выдохнули брат, обернувшись к отцу-ректору, только что явившемуся в поле зрения, – Герард – настоящий святой. Подумать только: на кого я посмел

жаловаться! Заверяю Ваше преподобие, что, когда я ушёл из этого помещения и направился к вам, тут не было ни одного куска хлеба – ни одного! – а теперь ларь полон. Это не иначе как Бог соделал!

– Да, именно Бог, – ответил ректор, – Давайте же оставим Герарда в одиночестве, ибо воистину нашему Господу любо играть с ним.

Иногда Всемогущий Бог соизволял даже творить хлеб для Своего слуги, чтобы он мог накормить нищих. Сохранились две записи о событиях такого рода.

В голодное время Лоренцо Миниэлло, ремесленник, проживавший по соседству, не мог прокормить своих двух дочурок. Поэтому он отправлял их к Герарду, зная его безотказное милосердие. Однажды вышло так, что они пожаловали несколько позже обычного. Слуга Божий закончил раздачу, и для них у него ничего не оставалось. Ему было крайне горестно разочаровывать их. И тогда, подумав немного, он развернулся, вошёл ненадолго внутрь монастыря и вернулся с двумя буханками хлеба в руках, горячими, точно с пылу с жару. Отроковицы два поверили своим глазам. Ведь он ушёл лишь на минутку! Они понимали, что никто не мог дать ему этот хлеб: буханки отличались размером и формой от тех, что пекли в монастыре. Они были вполне убеждены в чудесном происхождении хлебов и по возвращении домой всё рассказали своему отцу.

Такое же знамение повторилось ради почтенной женщины, которая однажды, гонимая муками голода, оказалась среди просителей при монастырских дверях. Не сумев преодолеть стыда, она не желала выпрашивать пропитания, а застенчиво держалась позади толпы. Закончив обычную раздачу еды, Герард ушёл, сделав вид, что не заменил её. Он подумал, что она пришла не по причине нужды, а из любопытства, как поступали многие обыватели, желавшие поглазеть на столь часто случавшиеся чудеса. Когда святому сообщили о настоящем положении вещей, он был глубоко взволнован.

– Почему, почему, – воскликнул он, – мне не сказали раньше?!

Затем, поразмыслив минутку, он вернулся в обитель и немедля возвратился, вынеся, закутав в складках рясы, булочку – совершенно горячую, словно только что из печи. Как и в случае с буханками, вручёнными девочкам, хлеб был гораздо лучшего качества, чем монастырский. Помимо того, выяснилось, что печь была холодна и огонь не разводили весь тот день.

Вот так Герард чудесным образом в пору суровой зимы помогал в нужде голодающим Капозеле. Воистину он был Отцом нищих.

ГЛАВА XV. СНОВА ВМЕСТЕ С О. МАРГОТТОЙ

С приходом весны лютые зимние холода покинули Капозеле, и краю вновь улыбнулось изобилие. Меж тем, о. Марготта, остававшийся в Неаполе, постоянно просил вновь прислать к нему Герарда, и, поскольку можно было рассчитывать, что волнение, произведённое чудесами блаженного инок со временем утих, св. Альфонс без колебаний уступил этой просьбе. О. Марготта, находившийся с визитом в капозельском монастыре, увёз брата Герарда с собой. По пути в Неаполь дела задержали их в Калитри – родном городе о. Марготты.

Поскольку наш святой был здесь неизвестен, то в течение нескольких дней он наслаждался покоем и имел возможность утолить жажду молитвы перед Св. Тайнами. Но немного времени спустя к приходскому священнику, в доме которого гостили эти двое редемптористов, приехала некая женщина и спросила брата Герарда. Она была из Бизаччи, городка, где, как надобно помнить, слуга Божий во время мора явил великое милосердие и сотворил множество чудес. Цель её нынешнего приезда заключалась в том, чтобы попросить об исцелении одного родственника, который был серьёзно болен. Узнав, что Герарда нет дома, она сказала, что дожждётся его возвращения. Когда он вошёл, она пала ему в ноги и прерывающимся от рыданий голосом молила оказать милость, уделив то благодеяние, коего жаждало её сердце. Святой Герард выслушал её со своей обычной доброжелательностью, утешил её в горе и заверил, что всё ей будет ровно как она желает.

Вполне естественно, обитатели дома никак не могли уразуметь смысла увиденного и по приходе о. Марготты со смехом поведали ему об этом случае, чтобы позабавить. Легко представить, каково было их удивление, когда он заявил, что им смешно только потому, что им неведомы дары, коими Бог наделил его спутника. И дабы защитить Герарда от неблагоприятного мнения о его благоразумии и скромности, которое в противном случае должно было возникнуть в связи с его давешним поведением, о. Марготта перешёл к повествованию о его добродетелях и чудесах.

Этого было достаточно. Вскоре весь Калитри пришёл в брожение, жаждая увидеть дивного чудотворца, ниспосланного Божиим Промыслом.

Местный светило медицины, именуемый Джованни Чолья, был тяжко болен. Он приступил к последним таинствам, и доктора уже отказались от него. Святого Герарда позвали навестить его. Поначалу он отказывался и упорствовал, пока о. Марготта не прибег к своей духовной власти. Тогда святой отправился, куда было велено. Обнаружив, что страдалец лежит без сознания, он осенил его чело крестным знаменем, и тут же чувства вернулись к больному, а сам он ощутил, что совершенно выздоровел. Окружающие воскликнули: «Чудо!», а Герард простодушно возразил:

– Вот что послушание делает!

Одна дама из Капитри удостоверилась в святости слуги Божия необычайным образом. Однажды у неё страшно разболелась голова. Оказавшись в гостях у упомянутого священника, она заметила в углу комнаты шляпу святого Герарда.

– Дайте-ка проверить, – сказала она полушутя-полусерьёзно, – правда ли этот монах святой, как люди говорят.

Затем она надела его шляпу себе на голову, и боль немедленно оставила её.

Когда об этом событии разгласили повсеместно, некто смог заставить Герарда принять в подарок новые туфли. А старые забрал себе в качестве святыни. Эти туфли брата Герарда в течение многих лет передавались в Калитри из дома в дом, и Бог даровал многочисленные исцеления тем болящим, которые прикладывались к ним с верой, обращаясь к Нему через могущественное заступничество Его слуги Герарда.

Когда о. Марготта покончил со своими делами в Калитри, он напрямик отправился в Неаполь. Снова вернувшись в места, повидавшие столь много его чудес, святой Герард старался держаться как можно неприметнее и избегать всего, что могло бы без крайней необходимости снова сделать его центром внимания. Однажды, когда он беседовал с другом за порогом церкви Св. Духа, к нему подошли две дамы.

– Мой дорогой брат Герард, – сказала одна из них со слезами на глазах, – умоляю, придите к нам и исцелите моего ребёнка!

Сначала он отказывался, но, не в силах устоять перед материнскими мольбами, ответил:

– Ладно, но сперва мне нужно пойти попросить разрешения.

Когда после его посещения дитя исцелилось, только послушанию он приписал славу чуда.

Если при своём мягком характере святой Герард обнаруживал порой признаки суровости, то не ради себя, но против жульничества и притворства, к коим испытывал глубочайшее отвращение. Близ резиденции редемптористов каждый день, как на посту, стоял нищий, прося подаяния. Он ковылял на костылях, а одна нога его была обмотана многими слоями бинтов. Герард, однако, знал, что он был негодным мерзавцем, ради лени своей обманывавшим людское милосердие. Поэтому он несколько раз просил его убраться. Но поскольку всё было бесполезно, святой наконец силой сорвал обмотки с его ноги и сказал со страшной суровостью:

– Ты плут и мошенник! Если хочешь спасти свою душу, прекрати насмехаться над Богом и обманывать люд!

Калека больше не был калекой. Он улепётывал со всех – здоровых – ног, отбросив костыли.

После шести месяцев, проведённых в Неаполе, о. Марготта получил от своего руководства приказ заложить новую обитель в епархии Беневенто. Таким образом им со святым Герардом вновь пришлось разлучиться. Герард ненадолго вернулся снова в Калитри, где в то время проповедовали участники миссии, а затем обратно в Капозеле. В Калитри благодаря ему произошло множество обращений. Если отцы во время миссии были заняты выслушиванием исповедей у народа, Герард занимался подготовкой грешников к достойному принятию святых таинств. Известно, что это дело было особенно дорого его любящему сердцу. Ревность по дому Господнем снедала его (*ср. Пс. 68:10*) – ревность о том духовном храме, что создается Святым Духом в душах людских (*ср. 1 Кор. 6:19*).

ГЛАВА XVI. НОВЫЕ ЧУДЕСА

Святому Герарду было всего тридцать лет, но он был почти совершенно измотан. Вся жизнь он предавался молитвам – нередко длившимся долгие часы в ночную пору, суровейшим подвигам и тяжкому телесному труду. И всё же, хоть и чувствуя изнеможение, он никогда не ослаблял усилий, ни на миг не возмечтал о передышке – главным его устремлением было безропотно трудиться до самого конца, пока не придёт ночь, когда никто не сможет трудиться (*ср. Ин. 9:4*). Если

любовь к ближнему или долг требовали от него самопожертвования, он всегда с живейшей готовностью отвечал на сей призыв.

Словно бы желая вознаградить Своего слугу за душевную щедрость, Всемогущий Бог во всё возрастающем обилии осыпал его дарами и милостями. А ближе к завершению своей жизни Герард стал проявлять необычайную способность к так называемой «билокации», то есть его видели в двух местах в одно и то же время.

В Лачедонье жило семейство по фамилии Ди Грегорио, с которым святой поддерживал особенно близкие отношения. Однажды он совершил ради них поразительное чудо, вернув изначальное качество большому бочонку скисшего вина.

И вот, случилось так, что служанка в этом доме опасно заболела. Однажды вечером в мучениях она вспомнила о том чуде, подумала о святом Герарде и пламенно возжелала повидать его.

– О дорогой мой брат Герард! – воскликнула она, – Где же вы? Почему не придёте и не избавите меня от страданий!

Едва эти слова слетели с её уст, как она слышала стук в дверь. То явился Герард собственной персоной. Он подошёл напрямик к ней и спросил: «Вы звали меня? Я здесь к вашим услугам. Искренне ли вы веруете в Бога? Если да, выздоравливайте!»

Затем он перекрестил девушке лоб и, не сказав больше ни слова, ушёл. Боль прекратилась, и она поднялась, чувствуя себя вполне хорошо. Стоит ли говорить, что первой её заботой было поблагодарить своего чудесного благодетеля. Но его было нигде не найти! По итогам расспросов выяснилось, что за пределами дома Ди Грегорио его никто ни в одном месте не видел. Помимо сверхъестественного посещения болящей в её комнате он весь тот день отсутствовал в Лачедоньи.

В другой раз имел долгую беседу с большим другом, весьма благодеятельным человеком, которого звали Теодоре Клеффи. Прежде чем попрощаться со святым, Теодоре пообещал подготовить список наиболее нуждающихся людей Капозеле и доставить его в монастырь. А по дороге домой он наведялся в одну хижину, где, как ему было известно, находился человек, страдавший от тяжкой болезни и крайних лишений. Когда посетитель спросил, в чём он испытывает первейшую необходимость, несчастный страдалец оживлённо ответил:

– Мне ничего не нужно; ведь брат Герард недавно был у меня. Он снабдил меня всем необходимым.

Можно себе представить удивление Теодоре. На миг он был ошарашен; затем прямо сказал, что это явная неправда, ведь он самолично только что был с братом Герардом в монастыре как раз в то время, когда тот якобы милостиво навещал больного. Но поскольку больной продолжал настаивать и в подтверждение предъявил подарки, только что принесённые ему блаженным иноком, места для сомнений более не оставалось, по крайней мере, в душе у тех, кто знал способности и святость сего слуги Божия. Это явственно было случаем проявления биллокации.

О. Таннойа как никто иной имел возможность узнать правду, и его свидетельство, что святой часто прибегал к этому чудеснейшему дару, вне подозрений. Так, однажды, не получив одной давно ожидаемой новости из Муру, Герард тихонько сказал:

– Мне нужно завтра туда пойти.

И вот, по утверждению не вызывающего сомнений свидетельства от высокопоставленного лица, на следующий день его видели в Муру, хотя с другой стороны так же точно известно, что он не покидал монастырь в Капозеле.

Таинственное присутствие святого более чем в одном месте одновременно иногда происходило и воспринималось не зримым образом, а духовно.

Как известно, всю свою жизнь он бывал осведомлён о событиях, происходящих на удалении, ну а к концу жизни, по мере того как он всё более освобождался от уз плоти, область приложения его душевных сил была так расширена Всемогущим Богом, что он обрёл возможность давать чувствовать своё явление друзьям, находящимся – по крайней мере, телесно – далеко от него в то время. Легко понять, что впечатление, производимое на души тех, кого он таким образом посещал, оказалось более живым и запоминающимся, нежели было бы в том случае, явись он им просто всем нам знакомым способом.

Так, доктор Санторелли, бывший приходящим врачом братии и большим другом святого Герарда, утверждал следующее:

«Однажды, совершая свой обычный обход пациентов, я всюду, куда ни шёл, чувствовал рядом с собой брата Герарда – так явственно, словно видел его своими глазами. Закончив со своими обязанностями, я направился в монастырь и, встретив там Герарда, спросил его: «С каким намерением вы сопровождали меня таким необычным манером всё утро?»

– Разве вы не знали, – ответил он, – что завтра мне предстоит уехать? Вот мне и захотелось проведать всех моих беднячков перед отбытием».

Однажды и в семье у Санторелли пережили подобное чудо. Святой Герард был у них в гостях, а при уходе сказал, что вернётся вечером. Доктор только улыбнулся, зная, что устав обители не позволял без необходимости выходить за её пределы после вечернего «Ангела».

– Я не шучу, – сказал инок. – Я непременно вернусь, не телесно, но в духе.

И вот, той ночью сестра доктора Санторелли, Моника, заметила, как Герард остановил на ней свой ищущий взор. Она изъявила готовность утверждать под присягой, если необходимо, что это не было просто плодом воображения, но что она на самом деле видела блаженного инок.

Жития святых являют нам примеры того, что некоторые из избранных слуг Божиих обретали от Него дар становиться невидимыми людским взорам.

Святому Герарду тоже не было отказано в сей необычайной милости. Однажды, когда он находился в своём ежемесячном уединении, отцу-ректору по какому-то случаю потребовались его услуги, и он послал за ним в его комнату. Герарда там не оказалось. Поискали в орактории. Там его тоже не было. Обыскали всю обитель

сверху донизу. Всё тщетно. Его было нигде не найти. Между тем зашёл доктор Санторелли. Ректор поспешил сообщить ему новость о пропаже брата Герарда.

Врач со смехом предположил:

– Наверно он спрятался под кроватью, чтобы побыть в тишине – у него же день уединения! Пойдёмте-ка глянем!

Взяв с собой одного из братии, доктор сам наведалься в комнату Герарда, но без толку.

– Это неважно, – сказал Санторелли по возвращении. Хорошо зная святого Герарда, он добавил. – Придёт время литургии, и вы увидите, как он покинет своё укрытие.

Так и случилось. Герард вовремя явился в церковь, чтобы принять святое причастие, и после благодарственных молитв отец-ректор спросил его, где он был всё это утро.

– У себя в комнате, – был ответ.

– У себя в комнате?! – повторил ректор, – Да мы же там были дважды, когда искали вас!

Ничего не ответив, Герард лишь улыбнулся.

Однако, получив приказ объяснить это явственное противоречие, он простодушно молвил:

– Я боялся, что меня побеспокоят в уединении; вот и попросил у нашего Господа милости – стать невидимым.

– На это раз я вас прощаю, – сказал ректор, – но смотрите, в дальнейшем об эдаком не молиться!

В комнате у Герарда не имелось никакой мебели, кроме столика и кровати. Там было не за чем (с точки зрения естественного порядка вещей) спрятаться. Можно только воскликнуть, что дивен Бог во святых Своих (*ср. Пс. 67:36, – ц.-слав. пер.*), и уши Его открыты для их молитвы (*Пс. 33:16. – пер. РБО*).

Порой случалось, что Герард применял свои сверхъестественные способности при обстоятельствах, которые кажутся почти незначительными, если забыть, что в очах Божиих нет ничего незначительного, когда речь идёт о свершении милости.

Так, повстречавшись однажды с дамой по имени Кандида Фонгарелли, Герард спросил, не уделит ли она ему кусочек белого шёлка, чтобы соорудить полог над дарохранильницей. Она отвечала, что была бы безусловно только рада, и по возвращении домой постаралась найти что требовалось. Не преуспев в поисках, она, однако, решила отрезать кусок от своего свадебного платья. На следующий день Герард вновь свиделся с нею и, прежде чем она вообще успела заговорить об этом, заявил ей, что не стоило портить свадебное платье раде двух кусочков шёлка. И добавил, что если бы она искала ещё, то непременно нашла бы что-нибудь подходящее. Дама была поражена тому, как он разузнал её скрытое намерение, о котором она не давала знать ни единому человеку. Вернувшись

домой, она согласно совету Герарда предприняла новые поиски, нашла шёлк, как он предсказывал, и доставила его к нему в монастырь.

Однажды святой после святого причастия уединился, чтобы вознести благодарственные молитвы перед большим распятым. А в то время он был на должности монастырского кухаря. Но восхищенный в созерцание страстей нашего Господа, он не заметил, как пролетели несколько часов. Уже прозвенел колокол к обеду, а он всё оставался, молясь, в оратории. Его искали повсюду в обители. А когда наконец нашли, один из братии спросил его:

– Герард, ты где пропадал? Колокол к обеду прозвенел, а кухня заперта!

– Маловерный! – отвечал Герард, – А что ангелы делали всё это время?!

К изумлению всей обители, обед в тот день был словно к великому празднику. Наш Господь пригласил Своего слугу провести утро в исполненном любви собеседовании, но было бы невозможно позволить другим пострадать ради его послушания гласу Божию. И таким образом его поступок, вызванный необычайным вдохновением, получил знак божественного одобрения посредством самого настоящего чуда.

Власть святого над людскими сердцами всё более возрастала с приближением кончины. Именно к этой поре его жизни относится один из примечательнейших случаев обращения. Однажды у отцов-редемптористов несколько дней прогостил архиепископ Концы, вместе с которым приехал и его личный секретарь, родом из Рима, человек, исполненный остроумия и весёлости. Однако эта наружная беззаботность была лишь прикрытием внутреннего отчаяния. Его совесть пребывала в плачевном состоянии. Едва Герард разок глянул на него, как Божий свет дал ему понять всё. И немедля он решил вернуть эту душу к Богу. Поэтому он намеренно начал сблизиться с секретарём. Всякий раз когда они виделись, Герард болтал с ним, смеялся его шуткам и одобрял его остроты.

Однажды он по итальянской манере обнял несчастного с искренней теплотой. Это стало поворотным моментом. Сей небольшой знак дружеского расположения завоевал его сердце. Не было больше нужды вызывать его на откровенность. И святой наконец понял, что настала пора действовать.

Приведя сего пленника любви в монастырский ораторий, Герард стал перед ним на колени и со слезами на глазах воззвал к его лучшим чувствам и высшему началу.

– Дорогой мой друг, – сказал он, – я не представляю, как ты можешь жить во вражде с Богом и при этом всегда оставаться таким жизнерадостным. Ведь не станешь же ты отрицать, что женат и жена твоя живёт в Риме. И как же ты можешь притворяться неженатым?! Как ты дошёл до того, что бедную женщину заставляешь лицемерить?

Святой продолжал в том же духе, пока наконец несчастный грешник, сломленный укорами совести, не пал в свою очередь на колени и, признавшись во всём, не стал просить святого Герарда помолиться за него и посоветовать, что предпринять для возвращения дружбы с Богом. С великой жалостью Герард обратился к описанию безграничного милосердия нашего Господа и Его готовности принять кающегося грешника. Он посоветовал секретарю немедля

исповедаться о. Фиокки, оказавшемуся в обители. После исповеди, когда он пошёл в церковь, чтобы подготовиться к святому причастию, свершилось новое знамение – Герард вышел ему навстречу и спросил, куда он направляется.

– Ко святому причастию! – последовал ответ, несколько нетерпеливый.

– Погоди, – сказал Герард, – ты позабыл о таких-то и таких-то грехах. Ступай обратно на исповедь, а когда у тебя больше ничего не будет на совести, наш Господь придёт навестить тебя.

Совершенно изумлённый, секретарь отправился исповедовать грех, о котором напрочь позабыл бы, не получи такого чудесного напоминания, а затем, очистив душу повторным отпущением, он в полноте радости принял Хлеб Жизни.

Это обращение было и искренним, и основательным. Люди диву давались, наблюдая перемены в повадках некогда столь общительного секретаря, доколе сам архиепископ не спросил его о причинах. В пылу раскаяния герардов обращённый без колебаний признался во всём и закончил словами евангельской самарянки:

– Пойдите, посмотрите человека, который сказал мне все, что я сделал! (*ср. Ин. 4:29*)

Преисполнившись изумления, архиепископ разыскал Герарда и имел с ним долгую беседу. А уезжая, искренне вверял себя молитвам святого инок.

– Господи! – ответствовал слуга Божий. – Да я сам имею нужду во всём милосердии Божиим для спасения моей души. Прошу ваше Преосвященство не забывать меня при алтаре.

Архиепископ никогда не забывал впечатления, произведённого на него во время пребывания в Капозеле.

После их возвращения в архиепископскую резиденцию, перемены, произошедшие с секретарём, стали основным предметом разговоров в тамошнем окружении. Ведь казалось, что вся его прежняя весёлость внезапно пропала. Однажды руководитель семинарии спросил, что же случилось с ним за время отсутствия.

Тогда и он услышал чудесную историю. Несчастный секретарь не стал делать тайны из того, что он более никогда не сможет сохранять прежнюю беззаботность, пока не воздаст должное своей брошенной жене. Закончив с необходимыми приготовлениями, он уехал из Рима и воссоединился с женщиной, с которой столь дурно поступил и которая теперь вновь обрела и утраченное благополучие, и мужа – всё с помощью святого Герарда.

Даже в Риме эта история стала известна повсюду, так что в итоге один кардинал попросил в письме прислать в Вечный город сего чудесного инок. Но к тому времени, как письмо достигло Капозеле, Герард был – увы! – уже мёртв.

ГЛАВА XVII. ЕГО ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В то время в Капозеле шло строительство новых сооружений, и святой Герард сразу после второго возвращения из Неаполя был поставлен смотрителем за работами.

На первый взгляд могло показаться, что его предельно хрупкое здоровье и выраженная склонность к созерцательной жизни должны были сделать его непригодным к этому занятию. Однако его руководители прекрасно знали, что, как напоминает Апостол, «благочестие на все полезно» (1 Тим. 4:8), в то время как Герард со своей стороны, следуя истинному духу своего призвания, издавна приучился сочетать деловитость Марфы с покоем Марии и всегда был готов без колебаний покинуть стопы Учителя, дабы совершить службу для Него. На своей новой должности он был, как обычно, неумолим и при исполнении порученных обязанностей не знал, что такое щадить себя. Он присматривал за всем, обо всём заботился, был повсюду. Пока Герард надзирал за ходом строительства, всё совершалось бесперебойно, ибо Бог был с ним.

Однажды ректор сказал ему, что исчерпал средства. Ему было больше нечем платить работникам.

– Напишите, преподобный отче, письмо нашему Господу, пребывающему во Св. Тайнах, – предложил блаженный инок.

Письмо было написано, а Герарду поручили лично возложить его пред Престолом благодати и милости. И вот, он поспешает в церковь с прошением в руке, кладёт его на алтарь, а затем с непосредственностью, в которой любовь на миг преодолевает благоговение, вдруг тихонько стучит в дверцу дарохранительницы и говорит:

– Вот, Господи, наша молитва! Теперь ответ за Тобой!

В субботу предстояло выплачивать заработную плату. Всю пятничную ночь святой Герард провёл в церкви, умоляя нашего Господа прийти на помощь ему лично и всему монастырю. Его упование не лишилось награды своей. На рассвете он повторно постучал в дверцу дарохранительницы, попросив Божественного Пленника любви не позабыть о нуждах чад Своих. И не успел он спуститься по ступенькам храма, как услышал звон колокольчика при монастырских дверях. Поспешив в прихожую, он обнаружил два мешочка, полных денег, которые, воздав благодарность, и отнёс ректору. И снова настоятелю было нечего сказать, кроме того, что Герард – баловень Промысла Божия.

Однако было ясно, что не подобает искушать Всемогущего Бога, пренебрегая действиями, необходимыми с точки зрения здравого смысла. Чтобы не оставить здания в совершенно незавершённом виде, требовалось неотлагательно собрать денег.

С этой целью было решено, получив у архиепископа необходимое позволение, отправить двоих светских братьев в поход по епархии на «изыскание» средств.

Отец ректор сразу подумал о святом Герарде как о человеке, самом подходящем для этого деликатного задания, из всех, кого можно было надеяться найти. Но здоровье святого было столь расшатано, а жара знойного итальянского лета

грозила оказаться столь чрезмерной, что настоятель заколебался. Однако он позвал за блаженным иноком и спросил его, в силах ли он перенести тяготы предлагаемого путешествия. Ответ не заставил себя ждать; Герард сказал, что готов ко всему. И всё же отец-ректор был не удовлетворён. Возложив ладонь на голову Герарду, он в полном молчании молвил в душе: «Во имя Пресвятой Троицы я желаю, чтобы ты был здоров и чтобы ты смог пойти и выполнить это поручение».

Герард взглянул на ректора и улыбнулся. На вопрос о причине своего веселья он ответил:

– Ваше Преподобие говорит, хоть и молча. Вы желаете, чтобы я был здоров и исполнил это поручение? Я буду здоров и поручение исполню. Да, Господи, я желаю быть здоров! Я желаю быть послушен!

Так он и отправился в путь, с послушанием на устах, с послушанием в сердце.

С самого начала чудеса осиявали его путь. Первая деревня, в которой они появились, называлась Сенеркия. Здесь как раз заканчивалось строительство новой приходской церкви. Жители испытывали огромные затруднения с доставкой больших каштановых деревьев, необходимых в качестве брусьев для настила крыши. Их уже срубили, но всё никак не могли спустить их с ближайшей горы, где они без толку валялись на земле.

– Смелее! – крикнул Герард, услышав об этой трудности, – Ведь церковь принадлежит Богу, и Бог позаботится о том, чтобы она была достроена. Идёмте на гору!

Прибыв на место, святой стал на колени, чтобы попросить благословения у Небес. Затем, привязав свой платок к одному из самых больших деревьев, такому тяжёлому, что ни волы, ни быки были не в силах сдвинуть его, выкрикнул:

– Во имя Пресвятой Троицы, творение Божие, приказываю тебе следовать за мною!

Затем к изумлению всех наблюдавших он потащил ствол – сам и без усилий – вниз в долину. Прочие деревья были так же с успехом и без дальнейшей заминки доставлены к церкви.

Вскоре последовали другие чудеса. Одна бедная женщина умирала в родах. К святому Герарду обратились с просьбой за неё. Помолившись, он спас ей жизнь. Так впервые было отмечено, что он помогает женщинам в таковой нужде, а уж после его святой кончины к заступничеству святого стали вновь и вновь обращаться с призывом об избавлении той или иной роженицы от неизбежной опасности, а также о том, чтобы её чадо смогло благополучно быть омыто водами крещения. Многочисленные обетные приношения вокруг его гробницы свидетельствуют о том, что таковые просьбы о помощи не остались без ответа. «Те святые могут помочь нам в одной беде, эти – в другой», – гласит известное выражение св. Терезы. Похоже, святой Герард получил на небесах особую силу помогать благополучно пройти через ужасные тяготы женщинам на сносях, вверившимся его любящей заботе.

Через несколько дней после прибытия в Сенеркию во время молитвы в старой деревенской церкви он был внезапно вознесён над землёй словно бы некоей незримой силой и висел некоторое время в воздухе без поддержки. Те, кто находился в церкви, рассказали об этом в деревне, и поглядеть на Герарда, с которым творились эдакие чудеса, сбегалось множество народу. С тех пор весь приход почитал его святым. А с его смертью почитание только возросло.

Во время канонизационного процесса поступило свидетельство о том, что все жители Сенеркии избрали святого Герарда своим особым покровителем и что у каждого в той деревне заведён обычай прибавлять к обычным утренним молитвам «Отче наш», «Богородицу» и «Славу» в благодарность Пресвятой Троице за все чудесные дары и милости, коими наделён был сей великий слуга Божий.

Из Сенеркии Герард написал протоирею местечка Оливето, коего звали дон Анджело Сальваторе, дабы известить его о своём предстоящем визите. «Ваше преподобие давно желали познакомиться с сим грешником, пишущим вам, и теперь ваше пожелание будет удовлетворено», так он закончил письмо.

Эти слова совершенно ошеломили священника. Он на самом деле давно желал познакомиться с тем, о ком так много слышал, но не говорил об этом ни единому живому существу.

Поездка святого в Оливето была ознаменована множеством чудес, а расскажем мы можем только об одном из них. Прямо в день прибытия его гостеприимец, заметив, что несмотря на обеденный час Герард не спускается в столовую, пошёл его проведать. К своему изумлению он обнаружил, что гость в своей комнате восхищен духом в экстазе и парит над землёй. Хозяин ушёл, а вернувшись через некоторое время, обнаружил блаженного инокá всё в том же сверхъестественном состоянии. И вот, наконец, Герард спустился к обеду. Он не знал, что его видели в экстазе, и лишь вежливо выразил надежду, что его визит не доставит никому хлопот, но всё будет идти своим чередом, ровно как если бы его вовсе не было в этом доме. Позднее дон Сальваторе отметил на стене той комнаты точную высоту, на которую по его наблюдению слуга Божий поднимался в воздух.

После Оливето Герард продолжил своё путешествие. В местечке под названием Виетри одна женщина лёгкого поведения подошла к нему и попросила в шутку образок Богородицы.

– Вот, пожалуйста, возьмите, – последовал ответ, – Но лучше бы вам позаботиться о том, что у вас на душе и всерьёз ввериться Матери Божией, ибо жить вам осталось всего несколько дней.

Его слова подтвердились. Эта женщина, молодая и на момент разговора здоровая, вернувшись домой, внезапно была поражена болезнью. Памятуя предупреждение святого, она немедля послала за священником, примирилась с Богом и умерла через несколько дней весьма достойно.

В городке Аулетта жила одна девочка, с младенчества неспособная и шагу ступить; из-за чего сей беспомощной калеке приходилось всю жизнь лежать навзничь. Когда святой Герард увидел её, его сердце исполнилось жалости.

– Что за вздор! – воскликнул он, – Ребёнок же вполне может ходить!

Затем он подозвал её.

– Иди сюда, дитя моё!

И в тот миг она вскочила, обнаружив способность ходить так же, как и все в комнате. Окружающие воскликнули в восхищении:

– Чудо! Чудо!

Охваченный святой стыдливостью, слуга Божий убежал, чтобы скрыться. Убежище он нашёл в доме священника, который и оставил на будущее описание всего события. Итак, люди, гонясь за ним, выкрикивали:

– Святой! Где святой?!

При этом Герард со всяческой поспешностью ускользнул через заднюю дверь и покинул местечко без дальнейшего промедления.

Это исцеление было полным. И вот, несколько лет спустя одному светскому брату из ркдемптористов, бывшему проездом в Аулетте, показывали девочку, обретшую способность ходить благодаря знаменитому брату Герарду.

Избегая по своему смирению людских восторгов, наш святой направил стопы в деревню Сан-Грегорио. Здесь он нашёл приют у приходского священника, не знавшего его в лицо. Но светильнику святого Герарда невозможно было сколь-либо долго оставаться под спудом. На следующий после прибытия день в дом священника зашёл один посетитель. Внезапно во время беседы Герард задал священнику странный вопрос:

– Преподобный отче, не подскажите ли мне вот что: если кто-то вознамерился совершить тяжкий грех, а затем по благодати Божией раскаялся и отказался от своего преступного замысла, обязан ли, позвольте спросить, таковой человек всё равно признаваться в своём дурном намерении на исповеди, хотя он так и не осуществил его?

Священник дал ответ в соответствии с обычными богословскими принципами и весьма удивился очевидной беспочвенности вопроса. Однако мгновение спустя его посетитель вне себя от изумления отвёл его в другую комнату и сказал:

– Известно ли вам, отче, что у вас в доме сейчас находится святой? Ведь тот человек, о котором он только что говорил – это я. По наущению сатаны я намеревался совершить кое-какой грех, как вдруг меня охватили муки совести, и я почувствовал себя на самом краю бездны. Рассказываю это вам себе на стыд и к великой славе вашего гостя.

И вот, мы подходим к началу конца. Страшное лёгочное кровотечение вынудило Герарда остановиться в Сан-Грегорио. Он знал, что это было предвестием смерти. Ещё в начале года он говорил доктору Санторелли, лекарю, который, как мы уже видели, пользовался его полным доверием:

– В этом году я умру от чахотки.

– Откуда вам это известно? – спросил доктор.

– Я просил об этой милости у нашего Господа, – ответил Герард, – и Он пожаловал мне её.

– Но почему именно чахотка, а не что-нибудь другое?

– Потому что сей недуг позволит мне больше побыть в уединении, – ответил святой.

Незадолго до того он сообщил одному светскому брату, что просил нашего Господа позволения умереть от чахотки, и чтобы при кончине рядом с ним никого не было.

И вот эта героическая молитва вскорости была услышана.

Врач в Сан-Грегорио не очень обеспокоился из-за приступа у Герарда и ограничился кровопусканием. 22 августа святой Герард казался достаточно здоров, чтобы отправиться в ближайший посёлок – Буччино. В тот же вечер с ним случилось новое кровотечение. Срочно позвали двух врачей, и они ещё раз предписали панацею лекарей восемнадцатого столетия от всех недугов, коим подвержена плоть. Ему вновь пустили кровь и приказали безотлагательно возвратиться в Оливето, где, как считалось, воздух был более подходящим для столь небезопасного состояния здоровья. В Оливето Герард явился домой к своему другу, протоиерею дону Сальваторе, и от него написал следующее письмо отцу-ректору:

«Хочу уведомить Ваше преподобие, что во время коленопреклонения в церкви Сан-Грегорио у меня началось кровохаркание. Я сообщил об этом врачу, который нашёлся поблизости. После осмотра он несколько раз повторил, что кровотечение происходит из горла, а не из груди, и заверил меня, что повода для беспокойства нет. Затем он пустил мне кровь, и, как казалось, я поправился. Однако прошедшей ночью в Буччино, когда я ложился, случилось то же самое, что и в Сан-Грегорио. Тут же позвали двоих врачей, которые предписали повторное кровопускание... Они приказали мне незамедлительно вернуться в Оливето, частично по причине климата, а частично ради того, чтобы я мог получить консультацию у известного медика – дона Джузеппе Сальваторе. Сейчас его нет дома, но его брат, протоиерей, заверяет меня в том, что нынче вечером он возвратится. Умоляю Ваше преподобие сказать мне, что делать. Не желаете ли, чтобы я вернулся в Капозеле? Если да, то я выезжаю незамедлительно. Впрочем, коли вам угодно, чтобы я продолжал исполнение задания, с моей стороны не возникнет затруднений. Лёгкие мои и в самом деле, как мне представляется, находятся в лучшем состоянии, нежели когда я уезжал, а кашляю я не больше. Напишите мне чёткое указание к послушанию, и всё пойдёт хорошо. Сожалею, что побеспокоил Ваше преподобие: только не тревожьтесь! Дорогой отче, всё это пустяки. Молитесь за меня Богу, дабы дал Он мне исполнить Его святую волю во всём».

ГЛАВА XVIII. КОНЕЦ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

В Капозеле новость о болезни Герарда восприняли с величайшим смятением. Отец-ректор безотлагательно написал ему, повелев оставаться в Оливето до тех пор, пока любезные друзья смогут его содержать там и сколько потребует его здоровье. Также он направил к нему спутника в лице светского брата по имени Франциск Фиоре.

Этот инок, при прибытии к священнику в Оливето, сам настолько был плох от крепкой горячки, что не мог даже взойти по лестнице и навестить нашего святого. Его пришлось сразу уложить в постель внизу. Тогда врач, дон Джузеппе Сальваторе сообщил Герарду о болезни только что прибывшего брата Франциска.

– Не будете ли вы так любезны передать ему от меня, – сказал слуга Божий, – что согласно послушанию он должен отогнать болезнь, встать и прийти проведать меня. Наши обязанности нам указаны, и я не вправе проводить время в уходе за больным.

Доктор выглядел озадаченным и колебался, стоит ли передавать такое сообщение. Однако, поскольку святой настаивал, он спустился к своему второму пациенту. В тот же миг, как брат Франциск услышал, что сказал ему Герард, он поднялся и навестил его, как было велено. Святой, увидав его, сказал с кроткой улыбкой:

– Ну и дела! Нас послали с заданием, а ты позволил себе подцепить горячку! Блюда послушание и гляди, чтобы больше такого не повторялось!

Затем, обратившись к медику, он сказал:

– Не будете ли вы так любезны прощупать его пульс?

К своему полному изумлению доктор обнаружил, что горячка, лютовавшая всего несколько минут назад, теперь совершенно отсутствовала. Видя, что протоиерей и его брат пребывают в полной растерянности, Герард простодушно сказал:

– Это изумляет вас. Несомненно, это выглядит как чудо. На самом же деле тут всего лишь следствие послушания.

То ли в тот же день, то ли на следующий, врачу довелось быть свидетелем, как таковая же милость была уделена его собственной сестре. У неё тоже была сильная горячка. Сам будучи болен, святой нашёл силы, чтобы пойти повидать её. Ей он просто сказал:

– У вас ничего серьёзного!

Едва он сказал это, она исцелилась.

За несколько дней до того тяжело захворал лавочник в Капозеле. Прежде чем прибегнуть к каким-либо человеческим средствам, его сын послал к святому Герарду весточку, прося оказать ему милость и помолиться за отца Пресвятой Богородице. Герард ответил письмом. Едва это письмо было доставлено в дом, больной получил полнейшее выздоровление.

Видя эти чудеса и слыша о таковых, дон Анджело Сальваторе решил попытаться добиться от своего святого гостя ещё более знаменательного и важного исцеления. Ибо жил в то время в Оливето один священник по имени Доминик Сасси, который стал жертвой странного недуга (бывшего следствием чрезмерных мук совести), из-за которого повредился умом. Почти целыми днями он просиживал взаперти у себя в комнате, где безо всякой причины раздражался жуткими воплями, точно какой-нибудь помешанный. Хотя его жизнь всегда была безупречна, он стал жертвой мрачайшего отчаяния. Выходил он из помещения лишь изредка. В течение семи лет он был неспособен ни служить мессу, ни

принимать какие-либо таинства. Его друзья всё это время не сидели сложа руки. Они возили своего бедного друга в паломничества по знаменитейшим местам. Ничего, однако, не возымело заметного действия. Божий час ещё не настал. И вот, брату Герарду снова довелось оказаться орудием благодати нашего Господа. Когда святому впервые сообщили о печальных обстоятельствах сего бедного священника, его смирение сразу забило тревогу:

– Я-то что могу сделать? – спросил он с прохладцей.

Но вскоре его сострадательная любовь, как обычно, одержала победу. Он тайком навестил дона Доминика. Завидев незнакомца, несчастный безумец стал издавать свои обычные крики. Герард был ничуть не обескуражен. Он осенил его голову крестным знаменем, и бедный страдалец тут же несколько унялся. Затем, заметив в комнате клавесин, Герард побудил священника сыграть на нём.

Так повторилась история Давида и Саула, однако сей новый Давид вложил успокоительное музыкальное орудие в руки того, на чью душу ещё предстояло снизойти миру. Вместе они спели литанию Матери Божией. На радостные звуки священной музыки в комнату сбежались все обитатели дома. С сердечной признательностью все воздали благодарение Богу. Было очевидно, что бедный священник наконец-то совершенно исцелился. Он смог бы служить мессу сразу на следующее утро, но Герард почёл за лучшее для него первые два дня довольствоваться принятием святого причастия.

28 августа сей священник снова служил мессу – после семилетнего перерыва. Весь приход решил окружить богослужение подобающей торжественностью. Друзья и родственники дона Доминика сопровождали его в церковь. Всё было готово. Только Герард отсутствовал. Было известно, что он выразил желание причаститься на этой мессе, поэтому послали сообщить ему, что Святая Жертва вот-вот начнётся.

Обнаружили его в экстазе: он прижимал к сердцу распятие, лицо его было мертвенно-бледно, глаза полузакрыты; он был глух ко всем звукам. Позвали протоиерея, его брата-врача и ещё несколько человек. Все взирали на святого с удивлением. Затем, тихо выйдя, оставили его наедине с Богом. После возвращения посетителей Герард спустя некоторое время пришёл в себя. Подозревая, что его могли застать в сверхъестественном состоянии, он тихо молвил:

– Я не выспался этой ночью. Утром меня сон одолел.

А затем последовал вместе с ними в церковь.

Стоит заметить, что дон Доминик более никогда не пропускал мессы. Если он порой и испытывал тягость перед служением Божиим таинств, протоиерею было достаточно повелеть ему во имя брата Герарда, и все его тревоги вмиг пропадали. И когда люди слышали благовест перед началом его литургии, они всегда говорили друг другу:

– Пойдёмте поглядим на чудо брата Герарда.

Поистине чудеса шли чередой во время в сии завершающие недели жизни святого. Так, один из братьев протоиерея вошёл однажды к слуге Божию в

комнату попросить совета в связи с одним беспокоившим его вопросом и застал его на молитве перед распятием – парящим в воздухе. Он подумал, что лучше оставить его в покое, но, когда он закрывал дверь, святой Герард обернулся и сказал ему:

– Дон Филиппо, я знаю зачем вы пришли. Не надо чересчур мучиться о том-то и том-то, что тревожит вашу совесть. Вверьтесь Промыслу Божию!

Эти слова как раз отвечали на запросы души дона Филиппо.

И не раз ещё в Оливето слышали пророчества, сходящие с уст святого. Так, вышедши из одного дома, он забыл свой платок на кресле. Некая девочка заметила это и отдала его святому Герарду.

– Нет, – сказал он, – оставь его, пожалуйста, себе. Возможно, он тебе однажды понадобится.

И на самом деле, по прошествии лет, эта девочка, уже будучи замужем, при своих первых родах находилась на пороге смерти. Она призывала своих святых покровителей, но не чувствовала облегчения, пока в крайнем отчаянии не вспомнила о платке брата Герарда. Как только его подали ей, ребёнок благополучно родился и всё обошлось. Свидетель, описавший этот случай, говорит в заключение следующее: «Моя бабушка бережно хранила эту святыню. В итоге она перешла в моё владение, но теперь у меня остался лишь крохотный клочок, потому что мне пришлось, дабы удовлетворить благочестивое рвение верующих, разрезать платок на мелкие кусочки и раздать их».

Проведя таким образом восемь наполненных чудесами дней в Оливето, святой Герард счёл более правильным вернуться в Капозеле. День ото дня ему становилось скорее хуже, чем лучше, и было вполне очевидно, что он не сможет продолжить исполнение задания, на которое его отправили из монастыря. При таких обстоятельствах протоиерей и его братья не могли учинить никаких препятствий к его возвращению, и всё было подготовлено к его отъезду. Перед тем как покинуть Оливето, чтобы уже более никогда в этой жизни не увидеть его, святой сходил попрощаться с семейством дона Анджело Пирофало, коего высоко ценил. Его последние слова, обращённые к этим друзьям, сами по себе были чудом и возвестили им о приближении его смерти:

– Поглядывайте иногда, – сказал он им, – на капозельский монастырь. Пока в окне будет виднеться белая занавеска, знайте, что я покуда жив. Как она исчезнет, знайте, что я мёртв.

Следует заметить, что Капозеле находится более чем в десяти милях от Оливето, так что естественным образом рассмотреть на таком расстоянии монастырские окна совершенно невозможно. Тем не менее предсказание св. Герарда сбылось буквально. На протяжении остававшегося ему времени жизни таинственный знак был видим в Оливето. И пропал только с его смертью.

ГЛАВА XIX. ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ

Добравшись до Капозеле, святой Герард сразу слёг. Ему и вправду было очень худо. Исхудав, он стал похож на скелет и представлял из себя словно бы картинное олицетворение Смерти. Кровотечения почти не прекращались, а

осложнение заболевания причиняло ему значительные мучения. Однако посреди страданий он не утратил свойственной себе безмятежности духа. Всю свою жизнь он жаждал пострадать с Иисусом перед взором Его Преподобной Матери Марии, поэтому теперь его единственная просьба была о том, чтобы подле его кровати разместили большое распятие и икону Богородицы. Его взор был постоянно устремлён на образ его распятого Господа, и время от времени он издавал полные любви восклицания: «О, Иисусе мой, я тяжко страдаю, но это ради Тебя, умершего на кресте ради любви ко мне. Стоит немножко пострадать, если страдаешь ради Тебя». И вновь: «Иисусе мой, Ты поистине умер за меня. А я желаю умереть в угоду Тебе».

Однажды отец-ректор застал его, как казалось, в предсмертной агонии. В лице его не было ни кровинки. Бледностью своей он напоминал покойника. Внезапно взор его упал на распятие. Внезапно он словно бы преобразился, лицо его просияло; щёки зарозовели, как у здорового. Ректор в изумлении спросил о причине этой внезапной перемены. Герард вздохнул и простодушно ответил с большим оживлением:

– Отче, как я жажду соединиться с Богом моим!

На дверях своей комнаты святой большими буквами – так, чтобы ему всегда было видно – написал следующее:

«Здесь делается то, что Бог изволит, так, как Он изволит, и тогда, когда Он изволит».

Его благоговение перед волей Божией, казалось, углублялось день за днём. Однажды, видя, как тяжко он страдает, отец-ректор спросил его, правда ли он во всём сообразуется воле Божией?

– Да, отче, – отвечал святой Герард со всем простодушием, – Мне кажется, что я сообразуюсь с нею. Я говорю себе, что моя постель как бы олицетворяет для меня волю Божию, что на постели моей я пригвождён ко вселюбивой воле Бога моего. Мне даже кажется, что воля Божия и я сам стали едино – столь тесно мы связаны друг с другом.

Столь же трогательное замечание он высказал своему врачу, который спросил его, чего он желает: жить или умереть.

– Я не желаю, – ответил Герард, – ни жить, ни умереть. Я желаю того, чего Бог желает. Правду говоря, мне хотелось бы умереть, чтобы соединиться с Ним, но при мысли о смерти я печалюсь воспоминанием о том, что ещё ничуть не пострадал ради любви к Иисусу Христу.

Болящего святого навещало множество посетителей из-за пределов монастыря. Почти все они оказывались свидетелями дивных сцен. Так, один из визитёров, каноник Камилло Боджио, написал письмо, в котором утверждает, что навещал святого Герарда почти ежедневно и часто заставлял его в экстазе. Этот каноник отмечает, что едва блаженный инок приходил в себя, он тут же обращался всем сердцем к Богу в ревностной молитве.

Меж тем, поскольку Герарду на глазах становилось всё хуже, рассудили, что благоразумно было бы уделить ему Святое Напутствие. Вокруг постели его

собралась вся братия, и в вынужденное отсутствие отца-ректора о. Буонамано доставил Святейшие Тайны. При приближении Того, Кто был единственной любовью его сердца, святой Герард приподнялся в постели и принял самое, насколько это было возможно, благоговейное положение, а затем, перед причащением, он совершенно расчувствовался от любви и доверия к своему Божественному Господу. Причастившись, он попросил оставить себя в одиночестве. На следующий день ему стало гораздо хуже. К прочим мукам добавился безостановочный кровавый понос, который довёл его до крайнего изнурения. Думали, что он едва ли проживёт ещё хоть одну ночь. Но скоро произошли великие перемены.

О.Фиокки, всё ещё остававшийся духовником святого Герарда, услышав о его опасном заболевании, послал ему требование: из послушания не терять больше крови и выздороветь. Эту записку и вручили святому. Он прочёл её и прижал к груди. Вскоре после того ему нанёс свой обычный визит доктор Санторелли. Увидев бумажку в руках блаженного инок, он спросил, что он так судорожно сжимает.

– Это, – ответил Герард, – письмо от о. Фиокки. Он приказывает мне прекратить кровохаркание.

– И что вы намерены теперь делать? – продолжил врач.

Вместо ответа слуга Божий попросил инfirmария:

– Брате, унеси, пожалуйста, этот таз! Он мне больше не понадобится.

Так действительно не понадобился, но кровавый понос продолжался.

– Что ж толку, – спросил Санторелли, – в избавлении от одного недуга, коли другой остаётся?

Святой же ответил, что послушание, наложенное на него, не относилось к поносу; из-за чего добрый доктор поспешил к одному из отцов, и тот спросил святого Герарда, как ему не совестно слушаться лишь наполовину, когда о. Фиокки ясно указал ему выздороветь полностью.

– В таком случае, отче, – сказал Герард, – я повинуюсь во всём.

Когда после обеда врач пришёл снова, святой сообщил ему, что на завтра встанет. А поскольку доктор не смог удержаться от улыбки, добавил:

– Да, завтра я встану и, если вам угодно, готов сейчас поесть.

Лекарь заколебался, боясь, как бы это не ускорило его смерть. Однако, видя его уверенность, он сам проникся некоторой надеждой. Он был человеком крепкой веры и часто оказывался свидетелем чудес, какие святой Герард совершал силою Божией. Больному брату недавно прислали корзину персиков, и вот, инfirmарий поставил её на стол.

Доктор поглядел на персики и сказал:

– Если вы обещаете исполнить полученное вами послушание, то можете взять один персик.

Герард немедля съел один, и другой, и третий. Затем Санторелли оставил его, хотя и не без некоторой тревоги. Его опасения оказались безосновательны. На следующий день, в праздник Рождества Богородицы, блаженный инок, согласно своему обещанию, встал и занял своё обычное место среди братии.

Когда он снова явился на обед в трапезную, всем, кто увидел его, наверняка пришло на ум боговдохновенное речение Премудрого: «Муж послушливый возглаголет о победе» (*Вульг. Прит. 21:28*).

Таково обетование Божие, и, пожалуй, никогда прежде сии слова не оправдывались более дивным образом, как при выздоровлении святого Герарда на самом краю могилы. Однако сам святой отлично понимал, что его земное странствие продлено всего на несколько кратких недель. Когда один из братии выразил от лица всех радость видеть его совершенно выздоровевшим, он ответил, что Бог так устроил для вящей славы Своей и дабы явить ценность послушания в очах Своих, но ещё немного, и Герарду предстоит вступить в вечность.

В течение всего сентября он становился всё слабее. С наступлением октября он уже походил на привидение и явно не мог бы уже долго протянуть. В четвёртый день месяца, встретившись со своим другом-доктором, он сказал ему, что исполнил послушание, возложенное на него, но ему известно, что конец приближается быстро и что болезнь его неизлечима. На следующее утро он снова вынужден был лечь в постель, с которой никогда более не встал.

Меж тем, в пору своей краткой поправки он сверхъестественным образом проведал о блаженной кончине сестры Марии-Целестины Костарозы. Именно этой монахине впервые было ниспослано Богом видение об основании Конгрегации Святейшего Искупителя. Её связывала со святым Герардом давнишняя дружба, а теперь ему свыше было дано узнать о её вступлении в небесные обители. Это случилось 14-го сентября, и один из светских братьев, Стефан Спердуто по имени, заметив, что у Герарда необычное выражение лица, спросил его о причинах оного.

– Знай же, дорогой брате, – ответил святой, – что как раз сегодня в Фодже прекрасная душа сестры Марии-Целестины воспарила в Рай. Она отправилась за воздаянием, подобающим ей за великую её любовь к Иисусу и Марии.

Вскоре после того поступила новость о том, что блаженная инокиня, чьё имя в анналах конгрегации всегда будет стоять рядом с именем св. Альфонса, поистине преставилась из сей жизни в тот самое время, что указал святой Герард.

Вскоре последовало ещё одно откровение подобного рода. Проживавший в Оливето живописец, родственник дона Сальваторе, собирался по делам в Капозеле. Перед отъездом он заглянул в гости к протоиерею, чтобы спросить, нет ли у того каких поручений для него в монастыре. Назавтра рано утром он прибыл в Капозеле. Дверь ему отворил Герард и сходу сказал:

– Протоиерей глубоко опечален, ведь его батюшка только что испустил дух!

– Это невозможно, – возразил живописец, – я видел старика прошлым вечером в доме у его сына! Он прекрасно себя чувствовал и передавал вам всем привет.

Святой упорно продолжал утверждать, что он вот только-только умер – от апоплексического удара.

– В таком случае, – сказал живописец, – мне следует возвратиться домой и отдать ему последний долг на похоронах.

– Да, поезжайте немедленно, – ответил Герард, – и скажите протоиерею, что он может быть вполне спокоен за своего превосходного отца: он спас душу свою.

Так тайны иного мира открывались взору слуги Божия, коему и самому предстояло столь скоро вступить в золотые врата столицы своего Царя.

ГЛАВА XX. СВЯТОЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Последние десять дней жизни святого Герарда, прикованного к кровати изнурительным недугом, были днями великих страданий, но и совершенного смирения с волей Божией. Он провёл их в неразрывном единении с Богом. Когда слабость сделала наконец устную молитву невозможной для него, он попросил светского брата, исполнявшего при нём послушание инfirmария, прочесть для него тексты актов смирения, любви и, с особым тщанием, сокрушения, чтобы он мог хотя бы про себя повторить их. Этот брат однажды спросил Герарда, нет ли у него сейчас, когда конец столь близок, каких-нибудь сомнений или соблазнов. Святой, не колеблясь, ответил, что всю жизнь во всех своих действиях он сообразовывался с Богом. И сказал, что не было у него иного желания, кроме как творить волю Божию во всём, поэтому ныне он умирает мирно и бестревожно.

12-го октября, за три дня до своей блаженной кончины, он был внезапно восхищен духом в экстазе. Слышали, как он воскликнул с великим ликованием:

– Вижу благословенного нашего о. Латессу: он восходит на небеса!

А о. Латесса, следует заметить, умер лишь за восемь дней до того. Тогда в последний раз по сю сторону гроба Герардовым очам были явлены тайны рая.

Через день после сего видения святой удостоился весьма утешительной милости. Однажды, вместе с его старым другом – доном Сальваторе, врачом из Оливето – Герарда пришёл навестить один выдающийся церковный деятель. Они привели с собой юного крестьянина, которому обещали, что он увидит великого слугу Божия. Прибыв в монастырь, все трое поднялись в комнату больного. Несмотря на любопытство, молодой селянин не посмел войти, а робко стал подле двери, там, где Герард никак не мог бы увидеть его.

Однако блаженный инок сразу узнал, что рядом находится незнакомец и кликнул его, пригласив войти. Изумившись, слыша, что его зовут по имени, парень вошёл и поглядел на того, о ком говорили как о святом, сперва с некоторой робостью. Затем, приободрившись, он осмотрелся в комнате. Вскоре его взгляд упал на оказавшуюся там арфу. Он никогда не видел ничего подобного и был явственно озадачен назначением этого предмета. Святого Герарда позабавило замеченное им удивление юноши, и он попросил его сыграть что-нибудь. Все засмеялись от такового предложения, но Герард настаивал. Наконец он убедил парня возложить пальцы на инструмент, и тут вдруг послышалась совершенно восхитительная музыка. На вопрос, как ему удалось сыграть, не учившись, юный селянин

приписал это тому, что, когда он касался струн арфы, его пальцы подчинялись, казалось, управлению от некоей неодолимой силы.

Мы вполне можем поверить, что комнату навестил ангел, который и позволил таким образом нашему святому обрести предвкушение небесных гармоний.

Арфа, которая издавала сии небесные мелодии, дабы потешить кроткий дух св. Герарда, пока он ещё готовился отбыть от земных берегов, хранится ныне в семействе Санторелли, любившем его столь сильно и преданно.

Два дня спустя, в праздник великой своей покровительницы св. Терезы (*Авильской, пам. 15 октября. – прим. пер.*) Герарду предстояло предать свою душу Богу. В тот день совсем рано утром его навещал его верный врач.

– Дорогой мой доктор, – сказал святой, увидев его, – не забудьте нынче помолиться за меня от всего сердца св. Терезе и на мессе!

Дабы до конца что-нибудь напоминало ему о последнем причастии, Герард, приняв вновь Святое Напутствие, попросил корпорал, на котором только что покоились Св. Тайны, и возложил его себе на грудь (где он и находился до конца). И прямо заявил, что до полуночи умрёт.

– Сегодня, – сказал он, – у вас день покоя в честь св. Терезы. Завтра будет ещё один.

Чтобы понять это предсказание, нужно знать, что праздник св. Терезы является одним из дней покоя, предписываемых уставом для редemptористских монастырей, при этом св. Альфонс пожелал, чтобы в обители, где кто-нибудь умирал, на следующий после кончины день обязательно тоже соблюдался покой. Святой Основатель учил, что несмотря на естественную печаль о потере братьев, которых мы любили в пору совместного подвижничества, мы должны сверх естества радоваться при мысли о том, что они закончили подвизаться добрым подвигом (*ср. 2 Тим. 4:7*), труды их теперь позади, они «обрели, – по его собственным словам, – прекрасный венец, приуроченный Иисусом для тех, кто живёт безупречно и умирает в конгрегации».

Получается, св. Герарду было доподлинно известно, что назавтра братии предстоит возрадоваться в Господе о его блаженном преставлении к Тому, «Которого, не видев, он всегда любил, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, возрадовался радостью неизреченною и преславною, достигнув наконец верою своею спасения души» (*ср. 1 Пет. 1:8-9*).

– Помоги мне надеть рясу, брате, – попросил он инfirmария, который ухаживал за ним, – мне нынче ночью умирать, а я хотел бы прочесть службу поминовения умерших за свою собственную душу.

По мере приближения того торжественного часа, когда Герарду должно было явиться пред ужасающим судом Вечного Судии, его смирение проявлялось всё отчётливее. Он постоянно повторял глубоко прочувствованные им Акты сокрушения, а в голове его звучала такая любовь, что слёзы выступали на глазах у тех, кто слышал его. Незадолго до конца он приподнялся и прочёл «Miserere» (*Пс. 50: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей». – прим. пер.*), после каждого стиха повторяя проникновенные слова кающегося царя: «Tibi soli peccavi

et malum coram Te feci; a peccato meo munda me» («Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал; от греха моего очисти меня», Пс. 50: 6, 4. – прим. пер.).

Так святой готовился впервые узреть Иисуса Христа, своего Верховного Судию.

Ему был открыт и самый миг его отшествия. Вечером он спросил, который час. Когда сказали, что шесть, он сообщил, что ему осталось жить ещё только шесть часов. В тот самый миг в комнату вошёл доктор. Несмотря на слабость пациента Санторелли не счёл, что конец столь близок; ему даже показалось, что больному немного лучше, чем утром. Когда он засобирился уходить, Герард вопреки своему обыкновению попросил его остаться, но, поскольку он сказал, что ему нужно навестить ещё других больных, святой более не настаивал. Позже, когда было уже слишком поздно, доктор понял, что дивный инок желал, чтобы он побыл с ним рядом в его последние мгновения.

К семи часам из Оливето прибыл посыльный. У протоиерея были трудности со строительством в его приходе часовни в честь Матери Божией Утешительной. Что-то случилось с печью для обжига извести. Он писал Герарду с просьбой о молитве, чтобы всё вышло хорошо. Один из священников общины зачитал это письмо в присутствии Герарда. Однако прежде, чем он молвил хоть слово о содержащейся в нём просьбе, святой спокойно сказал:

– Попросите протоиерея высыпать на печь немножко праха с гробницы св. Терезы, что я пошлю ему. Тогда поломка, коей он опасается, не случится.

Протоиерей последовал совету святого Герарда, и часовня Матери Божией была достроена без дальнейших аварий.

Никто, наблюдая, какую ясность восприятия он сохранял и как совершенно владел всеми чувствами, не мог бы вообразить, что приближается агония. Около восьми часов он как бы на миг встрепенулся и несколько раз повторил весьма настоятельно:

– Боже мой, где Ты?! Господи мой, явись мне!

Инок, находившийся при нём, спросил, не беспокоит ли что-нибудь его совесть?

– Почему ты говоришь мне о беспокойстве совести? – быстро ответил Герард.

Вскоре тот же инок попросил его:

– Дорогой мой брате, мы всегда любили друг друга; так помни же меня в присутствии Божиим!

– Да как бы я мог позабыть о тебе! – ответил Герард.

Между одиннадцатым и двенадцатым часом он лишился чувств. Придя в себя, он имел весьма взволнованный вид и кричал:

– Живо! Брате, живо! Гони этих мерзких тварей – что они тут делают?!

Упомянутый брат мог только предполагать, что то были злые духи, коим было попущено совершить последнее бесплодное нападение на умирающего слугу Божия ради вящей заслуги его. Сие беспокойство – что бы ни было его причиной –

длилось всего несколько мгновений. Весьма скоро лицо Герардо вновь обрело обычное спокойное выражение. Внезапно, став в постели на колени, он воскликнул:

– Это Мадонна! Поклонимся же Ей!

Да, несомненно, Мать Божия в своей вселюбезной милости изволила дать Своему верному чаду предвкусить небесное блаженство. Она, прекрасная Заря, что всегда предвещает восход Солнца Правды, Своим сиянием возрадовала сие омрачённое смертью жилище прежде полного наступления дня. Таков был ответ на его молитву, длившуюся всю жизнь: утром его посетил Иисус во Святейшем Напутствии, а ныне подле него находилась Его Мать – Мария. Смерть не была смертью для брата Герарда. То было, скорее, сладостное отдохновение, успение при Святом Сердце Иисуса и под ласковым взором Девы-Матери. Когда мы помыслим о таком завершении тяжкого жизненного сражения, что обрёл Герард, с наших уст почти непроизвольно срывается молитвенное вздыхание: вот бы и нам научиться так любить Иисуса и Марию в сей жизни, чтобы в час величайшей нужды Иисус и Мария оказались с нами, как во время оно пребыли Они со Своим слугой Герардом.

Примерно за полчаса до полуночи он попросил чего-нибудь освежиться. Инfirmарий пошёл за водой, но поскольку дверь в трапезную оказалась заперта, он отсутствовал некоторое время. Вернувшись, он застал святого повернувшимся к стене и подумал, что тот спит. Спустя несколько минут, он увидел, как тот повернулся и издал глубокий вздох. Тогда он подумал, что у Герарда уже начались предсмертные муки. Тут же призвали монастырского священника, и он прибыл как раз вовремя, чтобы дать блаженному иноку отпущение в тот миг, когда душа его отходила к Богу, создавшему её.

Община, внявшая уговорам доктора, к тому времени уже спала – как обычно после вечерних молений. Так исполнилась горячая молитва святого Герарда о том, чтобы сообразоваться с Господом вплоть до кончины, и даже преставиться почти в одиночестве – не слыша слов человеческого утешения.

Почил он на тридцатом году своей земной жизни, прожив в обители семь лет, причём в постриге – лишь немногим более трёх лет.

Умер Герард в праздник св. Терезы, в год 1756-й. Память его ныне празднуют 16-го октября, на следующий день после годовщины его блаженного и славного преставления.

Перевод: Константин Чарухин

Корректоры: Карина Кейан, Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ